РСФСР

М. ТУХАЧЕВСКИЙ

ВОЙНА КЛАССОВ

СТАТЬИ 1919-1920 Г.

Отдел Военной Литературы при Революционном Военном Совете Республики
Государственное Издательство

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПРИ
РЕВОЛЮЦИОННОМ ВОЕННОМ СОВЕТЕ РЕСПУБЛИКИ

М. ТУХАЧЕВСКИЙ

ВОЙНА КЛАССОВ

Статьи 1919—1920 гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

Гиз. № 1879. Литревсор № 80. (Р. В. Ц. Москва). 10.000 э

27-я типография М. Г. С. Н. Х. Остоженка, 10.

Передышка, наступившая для советской России, будет ничем другим, как затишьем перед мощным взрывом социалистических революций и социалистических войн на пути к мировому распространению революции.

Этот взрыв, который мы уже три с лишком года с нетерпением ожидаем, не должен повлечь за собой случайного хода событий. Движение должно быть предусмотрено и направлено по определенному кратчайшему пути к достижению цели.

Быстрый рост влияния Коммунистического Интернационала дает уверенность в том, что это управление будет твердо и верно.

Социалистические войны точно также должны быть твердо и сознательно управляемы. Однако вопрос управления этими войнами поразительно мало исследован и осознан. Касающейся его литературы почти не существует.

Настоящая книжка является собранием наскоро написанных и разбросанных по многочисленным журналам и изданиям статей.

Мое желание вызвать интерес к затронутым вопросам, указать на необходимость их исследования.

Только проявление массовой мысли позволит разобраться и теоретически разработать эти, столь важные для нас, военные стороны революционного движения.

М. Тухачевский.

Смоленск,
28 января 1921 г.

Стратегия национальная и классовая.[1]

I. Введение.

Два мнения. Товарищи, уже заглавие настоящего доклада указывает на те два мнения, которые определенно сложились в нашей армии. Одно мнение, это то, что условия ведения гражданской войны вызывают некоторые особенности стратегических форм, которые необходимо обосновать. Другое положение, которое противопоставляется первому, это то, что законы стратегии незыблемы и потому в нашей гражданской войне мы не имеем ничего нового, что если руководствоваться теми законами, которыми руководствовались раньше, то действия будут совершенно правильны и не поведут ни к каким ошибкам.

Критика нашей войны. Если мы посмотрим с самого начала возникновения гражданской войны на те различные мнения, которые высказывались военными специалистами, то увидим, что эти мнения претерпели несколько фаз в своем развитии. В первый период деятельности Красной армии, когда последняя не приняла еще форм крепкой регулярной армии, какие она имеет теперь, многие высказывали мнение, что это не больше, как партизанская война, которая ведется без всякой системы и которой трудно придать какую-нибудь систему. Я помню, как весной прошлого года один из наших видных руководителей, старый офицер генерального штаба, говорил про старый офицерский корпус: „Мы неспособны вести вашу войну. Мы подготовлены к ведению войны европейской, к вождению массовых армий, но мы не приспособлены к той войне, ко-

[1] Лекция, читанная в Академии Красного Генерального Штаба 24-го декабря 1919 года.

торая ведется вами, например, на Украине. Но постепенно наша армия совершенствовалась, постепенно численность ее увеличивалась и ее действия вылились в действия сплошным фронтом. Это внешнее изменение во многих зародило мнение, что будто бы правильное и законное ведение этой войны со сплошным большим фронтом напоминает собою ведение войны массовыми империалистическими армиями. Немедленно было заявлено, что законы стратегии вечны и в войне нашей нет ничего нового.

Новое в гражданской войне. Не отрицая вечных основ стратегии, наоборот, анализируя сущность гражданской войны, мы, руководствуясь этими вечными истинами, хотим указать те новые данные стратегии гражданской войны, которые нам раньше не приходилось учитывать. Оно и не удивительно. Мы впервые столкнулись с гражданской войной в большом масштабе, а потому, вполне понятно, лишь на опыте можем сознать и теоретически обосновать те формы, которые явились как следствие борьбы класса с классом, а не государства с государством. Эти последние имели совершенно определенные между собою границы, а потому заранее могли подготовить план предстоящей войны. С момента объявления мобилизации, доведенные до боевого состава регулярные части перебрасывались на театр военных действий, где производили стратегическое развертывание. Эта первая часть войны, до столкновения двух армий, разыгрывалась по вполне рассчитанному плану. В гражданской войне мы видим другие условия. Здесь вооруженную борьбу ведут два класса. Эти два класса не разъединены между собою никакими границами. Когда вспыхивает восстание, когда порабощенный класс берет власть в свои руки и начинает создавать свою армию, тогда начинается и гражданская война. Предусмотреть, где будет это восстание, невозможно, и вообще весь ход событий подчиняется импровизации, а не заранее продуманному плану. Есть много и других характерных особенностей при ведении гражданской войны.

Новые главы стратегии. Исследовать эти особенности и является нашей задачей. Старая стратегия не отмерла, не является для нас чем-то ненужным, а просто не имеет еще нескольких необходимых ей глав о гражданской войне. Написать эти главы и является задачей момента.

Причины войны. Война всегда имеет экономические причины. Капиталистические страны ведут войны для приобретения рынков или природных богатств. Гражданская война ведется угнетенным классом против класса эксплоататоров ради прекращения эксплоатации его труда.

Стратегия и политика. В гражданской войне, так же, как и в национальной, цель войны определяется политикой. Однако нет оснований считать, что в гражданской войне, в отличие от войны национальной, политике дозволено вмешиваться в способы достижения поставленной стратегии цели. Высказываемые некоторыми положения о праве вмешательства политики в стратегию в гражданской войне надо отвергнуть, как ничем не доказанное отклонение от общих оснований. Стратегия, как и всегда, тесно переплетается с политикой, но в этом переплетении нет ничего нового.

Экономическое положение сторон. Гражданская война разрывает государство на два, а иногда и на несколько островов классовой диктатуры. Вполне понятно, что хозяйственный аппарат этого государства, и без того потрясенный революцией, будучи разорван на части, окончательно испортится. Этим обусловливается характерное для гражданских войн понижение военной техники.

II. Война.

1. План войны.

План войны национальной. В мирное время о каждом государстве имелись совершенно определенные данные в отношении:

а) границ,

б) сил и средств,

в) театров вероятных столкновений.

г) географических, статистических и пр. данных.

На основании этих данных составлялся план войны на всевозможные случаи, на все комбинации. План войны заключал в себе все соображения по созданию армии, по подготовке театра военных действий в инженерном отношении, по мобилизации, по перевозке войск, по избранию

решающего направления, по подготовке операционного базиса и по стратегическому развертыванию.

На подготовку всех этих мероприятий приходилось затрачивать многие годы.

План войны гражданской. Гражданская война в наше время и в культурных странах возникает вместе с появлением где-либо диктатуры пролетариата, вместе с пролетарским восстанием. Пролетариат наскоро формирует армию. Вооруженные силы буржуазии начинают с ними гражданскую войну. Если даже пролетариату и удается захватить в свои руки всю страну, то все же контр-революция не преминет поднять восстание там или тут, наскоро сформирует себе армию, и тогда пролетариат опять принужден вести гражданскую войну.

Вполне понятно, что никто заранее не может предвидеть, где вспыхнет восстание, каково будет соотношение сил и средств двух будущих врагов. Так, мы не могли предвидеть восстания чехо-словаков. Мы не могли предвидеть, что восставши в Пензе, они продвинутся в Самару, что они создадут там учредилку, что они пройдут дальше в Сибирь и поднимут восстание в Челябинске. Мы не могли предвидеть, что эти два контр-революционных центра впоследствии объединятся и что, наконец, эти учредилочные государства превратятся в колчаковскую империю, которая будет простираться от Великого Океана до самой Волги.

Из сказанного ясно, что план войны гражданской не может быть составлен ранее начала этой войны. Все, что в этом отношении может предвидеть диктатура буржуазии или пролетариата, —это то, что для защиты классовых интересов понадобится армия и что армия эта чем будет больше, тем лучше. Можно прибавить к этому, что главные формирования этих армий должны быть сосредоточены там, где находится политический и экономический центр государства, так как в случае войны с враждебным классом эти центры будут снабжать свою армию.

Более подробного плана гражданской войны создать нельзя.

Вот первое, чрезвычайно важное отличие стратегии классовой от стратегии национальной.

К этому мы можем прибавить, что армия восставшего как революционная, так и контр-революционная, будет наскоро сколоченная, т.-е. будет продуктом *импровизации*.

Самый план гражданской войны также является импровизацией и в этом отношении имеет сродство с планом операции.

Посмотрим теперь, какие планы возникают у борющихся сторон с начала гражданской войны.

План подавляющего восстания, как более готового к войне, должен быть стремительно наступательным. Главная задача его—оккупировать восставшую область до того, как в ней создастся враждебная армия.

Каков будет при этом характер операций? У восставшего армии, могущей оказать серьезное сопротивление, первое время нет. Поэтому при быстроте действий серьезного, организованного вооруженного сопротивления не будет. В этот период операционная линия будет направлена на жизненный центр восставшей области, а не на живую силу, так как таковой еще нет.

Если время будет упущено и армия восставшего поспеет организоваться, то придется считаться с его армией, а вместе с тем объектом действий подавляющего восстание будет уже не территория, а живая сила противника. Это и будет началом полевой гражданской войны.

План восставшего первое время будет оборонительным, избегающим крупных столкновений с противником. Вместе с тем должна быть развита до крайности активность мелких отрядов, затрудняющих противнику возможность сосредоточиваться, разведывать и наступать. Главные силы будут расположены на подступах к жизненному центру.

Как только восставший доведет свою армию до мало-мальски реального вида, он немедленно перейдет в решительное наступление. Он должен помнить, что слабейший должен быть наиболее смелым. Он должен помнить, что потеря территории означает и уничтожение армии, долженствующей создаться этой территорией.

Даже с началом восстания крайне трудно бывает предусмотреть дальнейший ход событий, настолько изменчива и непостоянна обстановка в период гражданской войны. Крайне трудно предусмотреть те размеры, которые примет война

Крайне трудно рассчитать средства, потребные для комплектования и снабжения. Все, что можно сказать,—это то, что надо рассчитывать на полное напряжение всех сил и средств своей области—государства и подготовить для этого соответствующий военно-административный аппарат.

2. Подготовка войны.

Подготовка войны национальной. Подготовка национальной войны, заключавшаяся в проведении в жизнь плана войны, продолжалась многие годы и даже десятки лет. В общем война никого не заставала в расплох. Все к ней было готово, все рассчитано: и армия, и флот, и все средства для ведения войны.

Подготовка гражданской войны. Ничего подобного мы не видим в подготовке гражданской войны. Как уже упоминалось, план гражданской войны до ее возникновения может заключать в себе лишь соображения по созданию классовой армии. Инженерной подготовки театра войны заранее быть не может. У восставшего не может быть заранее подготовлена и армия. Подготовка гражданской войны в полном смысле этого слова начинается лишь с возникновением самой войны.

Восставший класс начинает формировать армию.

Подавляющий восстание постарается придать своей армии свой классовый характер.

Восставший класс в первый период создания армии прибегнет к системе *вербовки добровольцев*. Постепенно, укрепив свой аппарат диктатуры, он объявляет обязательную воинскую повинность для своего класса. Вся система его борьбы примет формы *вооруженного класса*.

Высказанное здесь положение больше всего относится к восставшему пролетариату. Восставшая контр-революция. т.-е. буржуазия, обычно сразу провозглашает идею народной армии, называя всю систему *вооруженный народ*. После вербовки добровольцев буржуазия обычно переходит к всеобщей воинской повинности.

Пролетариат, окончательно закрепив свою диктатуру, также начинает привлекать к военной службе враждебные ему элементы, заставляя их служить в его интересах. Так, у нас привлечены к отбыванию воинской повинности

кулаки на тыловые должности. Кроме того, с самого начала формирования армии, пролетариат привлекает на службу военных специалистов старой армии, сперва путем вербовки добровольцев, а затем и по обязательной повинности.

Перед восставшим встает тяжелая задача формирования новой армии, подготовки комплектования для нее и снабжения. Эта задача чрезвычайно тяжела. а с ходом войны она все осложняется, требуется производить все новые формирования. требуется все больший и больший масштаб комплектования и снабжения.

Политическая обработка и агитация. Буржуазия не может позволить своей „народной армии“ участвовать в политической жизни буржуазного государства. Наоборот, пролетариат. в период своей диктатуры, удушая буржуазию и привлекая к политическому участию в этой работе свою классовую армию, как главное орудие этого удушения тем самым усиливает и само орудие.

В классовой пролетарской армии ведется усиленная политическая работа и агитация. Эта работа имеет чрезвычайное значение в боевой деятельности войск. Вопрос этот, по своей обширности, требует специального исследования.

3. Начало войны.

Начало национальной войны. С перерывом дипломатических сношений начиналась национальная война. Примерно с этого момента объявлялась мобилизация, имевшиеся в мирное время кадры пополнялись до боевого состава, войска перебрасывались в намеченную полосу для стратегического развертывания. Все это происходило по строго рассчитанному плану. Уже через несколько дней после объявления войны происходили первые столкновения двух вполне готовых, вооруженных по последнему слову техники, армий и начиналась первая операция.

Начало гражданской войны. Гражданская война начинается далеко не так гладко. Восставший еще только начинает создавать армию. Подавляющий восстание, если он и имеет армию, то все же не готов к началу военных действий. Восстание для него неожиданно. Перевозка армии у него не рассчитана, и вполне может случиться, что самое

географическое место восстания чрезвычайно затруднит эту перевозку. Стратегическое развертывание армии в инженерном отношении не подготовлено. Развертывание армии может подвергнуться налетам партизанов и летучих отрядов восставшего.

Рассмотрим подробнее первый период гражданской войны у восставшего.

Жизненные центры. Восстание обычно имеет место в каком-либо крупном центре производства или политической власти. Этот центр быстро становится душой общего восстания. На него налипают восстания соседних центров и таким путем восстание охватывает целую область.

Уже самое восстание совершается вооруженной силой. Как только власть захвачена, эта вооруженная сила начинает формироваться в регулярную армию. Эта работа по созданию армии, хотя бы и веденная по хорошо продуманному плану, встречает большие трудности. Приходится подавлять внутренних врагов, еще не подчиняющихся диктатуре восставшего класса, приходится отражать нападения отдельных частей подавляющего восстание. На это дело приходится раздергивать формирующиеся части. Это характерное для восставшего раздергивание армии чрезвычайно тормозит дело ее формирования и ставит чрезвычайно трудные задачи перед военным командованием. Если мы посмотрим на первый период создания Красной армии, то увидим, что это раздергивание имело громадные размеры.

Кроме формируемой армии, на границе восставшей области действуют с той и с другой стороны самочинно возникшие, не объединенные управлением, но объединенные общей идеей мелкие отрядики, которые имеют между собой непрерывные столкновения. Эта линия войск возникает стихийно на почве классовой борьбы. В дальнейшем мы будем называть ее *линией войск местного сопротивления*.

Эта линия образует как бы живую границу вновь образовавшегося государства и служит отправной данной для расчетов по стратегическому развертыванию.

В первое время между создающейся армией и „жизненным центром" имеется неразрывная спайка. Армия, создавшаяся из недр этого жизненного центра, получает от него и снабжение и пополнение. Она базируется на свой жиз-

ненный центр. Поэтому блокада восставшего центра в первый период войны не может дать решающих результатов.

Мертвящие центры. Кроме „жизненных центров“ в гражданской войне имеют место еще и „мертвящие“ центры“. Таковыми будут, например, для пролетариата области, населенные богатыми, мелко-буржуазными элементами. Донская Область, даже в то время, когда входила в состав нашей Федеративной Республики, все же была для нас мертвящим центром. На такие центры противоположным классам не только нельзя опираться, но еще надобно выставлять и вооруженную силу для удержания их в повиновении. При наступлении, если встречается область с такой неблагоприятной классовой группировкой, то приходится не только преодолевать сопротивление армии противника, но еще и сопротивление враждебной среды.

Стратегическое развертывание. Как только обозначится линия войск местного сопротивления, так появится возможность наметить где-либо за ее прикрытием зону для стратегического развертывания (операционный базис). Этот район на-спех закрепляется за собой и подавляющий восстание начинает перебрасывать в него свои войска.

Восставший развертывает свою армию на главных подступах к своему жизненному центру.

4. Ведение войны.

Развитие и разрастание. Гражданская война, начинаясь обычно в небольших размерах, быстро разрастается до размеров большой ожесточенной войны. Это обстоятельство требует постоянного увеличения численности армии, а с тем вместе и аппаратов, ее обслуживающих. Таким образом план войны постепенно расширяется и развивается. Такое же явление мы видели во многих войнах, особенно в последней империалистической.

Комплектование. Армии национальных войн комплектуются своими государствами из числа граждан этого государства.

Комплектование классовых армий в гражданской войне значительно разнообразнее.

Армии пополняются:

а) мобилизованными в центре.

б) мобилизованными родственными классами в завоеванных областях и

в) родственными классовыми элементами из числа военнопленных.

Только общность классовых интересов дает такие необычайно богатые возможности в гражданской войне. Это—характерная особенность, отличающая войну гражданскую от национальной.

Коммуникации: На обеспечение и обслуживание коммуникаций приходится тратить громадное количество войск. Многие великие походы рушились из-за невозможности справиться с этими затруднениями.

Способы обеспечения коммуникаций можно подразделить на следующие виды:

А) Оперативные. а) Активный, т.-е. сосредоточение к полю сражения всех войск, обеспечивающих коммуникацию. По одержании победы охрана коммуникации восстанавливается (*Суворов.*) Такое обеспечение чрезвычайно выгодно, но действует лишь при неглубоких тылах.

б) Пассивные: выставление заслонов, закладка крепостей и вооруженных лагерей и пр. Перенесение коммуникации на другую базу.

Б) Органические. Легче всего обеспечить коммуникацию тогда, когда она коротка. Поэтому лучше всего обеспечивать коммуникацию путем ее сокращения. Это достигается следующими способами:

а) *Колонизация.* В национальных войнах сокращения коммуникации можно было достигнуть путем колонизации завоеванных областей. Под колонизацией подразумевается такая обработка завоеванных областей, которая позволила бы использовать эти области не только для снабжения, но и для пополнения армии. Эта задача требует затраты очень долгого времени. Александр Македонский блестяще проводил в жизнь этот принцип и его тыл был всегда прочен, а армия, по мере наступления, не только не уменьшалась, но даже увеличивалась.

б) Проведение классовой диктатуры. Гражданская война позволяет гораздо легче справиться с той же задачей. То

обстоятельство, что классы перемешаны, позволяет и тому и другому воюющему классу быстро проводить свою диктатуру в завоеванных областях. При этих условиях в последних очень легко организовать как производство, так и мобилизацию. На эту работу не только не нужно затрачивать целые годы, как это необходимо при колонизации, но даже не приходится тратить и месяцев. При заранее подготовленных аппаратах классового управления и военно-административных органах, на это дело придется затратить лишь недели. Эта особенность гражданской войны дает широкие возможности для творчества военному гению.

Справедливость этого положения подтверждает действительность в настоящей войне.

Отношение числа к пространству. Приведенные выше соображения относительно организации тылов в гражданской войне показывают, до какой степени облегчен вопрос отношения числа к пространству в этой войне. В национальных войнах для завоевания громадных пространств требовались и громадные силы, так как главная масса их уходила на обеспечение тылов. Пример этому мы видим в походе Наполеона в 1812 году. Малейшая ошибка в расчетах вела за собой крушение этих великих походов. Для того, чтобы с небольшими силами завоевать большие пространства, необходимо было терять многие года на колонизацию постепенно занимаемых областей. Пример такой систематической обработки тылов, при большой потере времени, мы видим в походе Александра Македонского в Азии.

Наша гражданская война в десять раз облегчает эту задачу. Мы действительно небольшими армиями можем завоевать колоссальные пространства и при том имея тыл всегда обеспеченным. Это достигается с нашей стороны быстрым проведением в занятых областях власти рабочих и крестьян. Военно-административные органы производят из родственных классов местные формирования и, таким образом, быстро обеспечивают за нами занятые области.

Этот вопрос организации местной власти и формирований должен быть точно предусмотрен и рассчитан наступательным планом операции или кампании. Только при этих условиях указанные выше преимущества остаются за нами.

Значительно ухудшается дело в том случае, если в тылах у нас остаются мертвящие для нас центры. Они требуют большого расхода войск для удержания их в повиновении. Таких тылов надо избегать. Главная причина краха нашей кампании на южном фронте весною этого года заключалась в том, что главные силы фронта были двинуты не там, где мы имели бы советские, жизненные тылы в Донецком бассейне, а там, где мы имели мертвящие тылы, требовавшие выделения больших гарнизонов для удержания за собой обширных Донских степей. Вопрос отношения числа к пространству не был учтен и армии наши были разбиты.

III. Операции.

I. Ширина фронта.

В национальных войнах. В национальной войне ширина фронта зависела от количества действовавших войск. Полевая армия совершенно не заботилась о том, чтобы прикрывать собой все пространство границы между государствами. Она сосредоточивалась на решающем направлении и считала, что лучше всего обеспечить свою границу уничтожением армии противника. Растяжение армии кордоном вдоль границы было бы просто актом безграмотности. Словом, ширина фронта армии в войнах национальных определялась: числом войск и предельной тактической их плотностью в условиях современного боя, т.-е., если бы корпус занимал по фронту 5 верст, а корпусов в армии было бы 10, то общий фронт армии равнялся бы приблизительно 50-ти верстам. Фронт мог несколько расшириться в интересах обеспечения тылов, но граница государства, как таковая, в расчет не принималась.

В гражданских войнах. В гражданской войне мы видим иное явление. Здесь сплошной фронт, отделяющий в виде границы диктатуру одного класса от диктатуры другого класса, имеет особенное, самостоятельное значение. Действительно, в период гражданской войны даже там, где проведена диктатура одного из классов, борьба классов продолжается непрерывно. Если она и не принимает обостренных форм, то все же существует, и достаточно небольшой

искры, чтобы пламя восстания охватило ту или другую область. По общему правилу, восставшие начинают немедленно формировать армию, которая в случае помощи со стороны противника одним только оружием, может превратиться в серьезную боевую силу. Таким образом, значение территории в гражданской войне приобретает исключительное значение. Захват ее хотя бы только летучими отрядами противника, не только не безразличен, но, при случае, может повлечь и катастрофические последствия. Поэтому в гражданской войне армии обеих сторон должны прикрыть, отделить друг от друга всю свою территорию. Это чрезвычайно растягивает наши фронты. С этим надобно считаться как с фактом, вызываемым действительными условиями войны. Таким образом, в нашей войне ширину фронта обусловливают не численность войск и их тактическая плотность, а особенности в условиях комплектования и создания классовых армий.

Тактическая плотность. Из предыдущего ясно, что в гражданской войне тактическая плотность войск, т.-е. ширина фронта частей зависит не от условий современного оружия и боя, а главным образом от общей ширины фронта и от числа занимающих его частей. Это положение ясно доказывает, что наступление широким фронтом, при котором части имеют нормальную ширину боевого порядка, является противоречащим основам стратегии, как наступление кордоном. Необходимо, кордонно обеспечивая на неважных направлениях свою территорию, делать массовые группировки на решающем направлении, чтобы придать частям нормальную боевую плотность и разгромить кордон противника в этом направлении.

2. Соотношение сил.

В гражданской войне, благодаря ширине фронта ее армий и общей разрухе путей сообщения, принцип частной победы играет еще более решающую роль, чем в войнах национальных или империалистических.

В самом деле, если в решающем месте и в решительный момент и при том неожиданно для противника мы сосредоточим значительное над ним превосходство сил, то ему

не удастся во время уравнять силы, в виду указанных выше причин (ширина фронта и разруха транспорта).

В прошедшей империалистической войне тактическая плотность войск обычно была на решительных направлениях предельной при характере современного огня. В нашей гражданской войне тактическая плотность крайне мала и может быть уплотнена в несколько десятков раз. Поэтому для использования превосходства сил мы не принуждены, как то это было в прошлой войне, производить атаки широкими фронтами. Наоборот, имея полную возможность создать дробящий молот на небольшом сравнительно участке, на решающем направлении, атака на широком фронте будет не больше, как разброска сил, влекущая за собой вечные неудачи. Итак, мы можем достигать на отдельных участках фронта подавляющее превосходство сил, а это в связи с невозможностью для противника во время уравнять силы, принесет ему неминуемое поражение.

Рассмотрим далее, как будет развиваться поражение противника, нанесенное таким массированием войск на решающем направлении.

Время, потребное противнику на перегруппировку, очень велико. Темп развития операций в нашей войне (о чем будет говориться дальше) отличается необычайной скоростью. Из этого видно, что мы сохраним за собой превосходство над противником и на громадном протяжении преследования.

Кроме этого преимущества есть еще и то, что наступающий мобилизует в занятых областях родственные ему классы. Разбитые же армии в гражданской войне отличаются тем, что уроженцы теряемых областей дезертируют и остаются в своих родных местах. Таким образом, по мере наступления, наступающий непрерывно усиливается, а отступающий непрерывно ослабляется. Это также одно из характерных явлений гражданской войны. В войнах национальных отступающий, отходя на свои сообщения, легко получает подкрепления, а наступающий непрерывно ослабляется на обеспечение тылов. В нашей войне наступление по мертвящим для нас центрам напоминает эти условия национальной войны. Сгладить их можно лишь систематической колонизацией покоряемых областей с большой потерей времени.

Превосходства сил можно достигнуть не только перебросками и перегруппировками, но и концентрическим наступлением, если до пункта сосредоточения противник не окажет серьезного сопротивления.

Организацией в тылу противника восстаний и партизанских действий мы также можем создать благоприятное соотношение сил.

В нашей войне мы непрерывно грешим в смысле нарушения наложенных принципов. Наши наступления мы ведем на широких фронтах бесконечными, слабыми кордонами. Мы почти не практикуем перебросок и перегруппировок, мы не создаем дробящих кулаков и потому наша борьба на фронтах надоедливо выливается в какой-то танц-класс.

Для достижения успеха в нашей войне, как никогда надо быть смелым, быстрым, как никогда надо уметь маневрировать, а для того, чтобы овладеть сознательно этими качествами, необходимо изучать военное дело всех времен и народов, необходимо уметь произвести научно критический анализ условий ведения нашей войны.

3. Оборона и наступление.

Гражданская война по самому своему существу требует решительных, смелых наступательных действий. Революционная энергия и смелость доминирует над всем остальным.

Оборона в гражданской войне совершенно не носит того характера, какой имела она в войнах национальных или империалистических.

В этих последних к обороне прибегала слабейшая сторона, чтобы создать ударный кулак, решающий участь сражения, сэкономив для этого силы на участках пассивной обороны. Итак, идея оборонительного сражения несла в себе прежде всего маневр. Каково было реальное значение пассивной обороны на некоторых участках для собирания маневренного резерва? В полевой войне ширину фронта корпуса устав определял в 5—6 верст (корпус 40.000 штыков). Тот же самый участок пассивно оборонять с успехом могли 5—6 тысяч штыков. Следовательно, перейдя к обороне на некоторых участках, на каждых 5—6 верстах мы получали экономию 35—34 тысячи штыков. Таким образом, сами

цифры показывают, как велико было значение участковой обороны.

Каковы же оборонительные возможности в нашей гражданской войне? Мы уже упоминали, что фронты наших армий чрезвычайно растянуты. Точно также чрезмерно растянуты по фронту и отдельные боевые единицы. На восточном фронте нормальной шириной боевого порядка дивизии в 8.000 штыков будет 45—60 верст. Это дает 135—180 штыков на одну версту. Возможно ли при такой редкости стрелковой линии организовать огневую фронтальную оборону? Разумеется, нет. В старой войне даже сторожевое охранение имело большую плотность и тем не менее никто не рассчитывал на обороноспособность этой линии. Есть ли у нас данные полагать, что наши нынешние войска умеют упорнее обороняться, чем старые? Конечно, нет. Наши войска умеют хорошо наступать, они имеют неудержимый порыв вперед при наступлении, но к упорной пассивной обороне они не привыкли, а при указанной выше стрелковой плотности они и вовсе не смогут обороняться. Казалось бы, этот вопрос ясен сам собой и говорить о нем много нечего. Но дело в том, что у нас есть взгляд, что если подготовить хорошо укрепленные позиции, то наши войска будут упорно их оборонять и, во всяком случае, они окажут сопротивление большее, чем без этих позиций. Это самое несчастное заблуждение. Для того, чтобы оборонять подготовленные позиции, войскам пришлось бы занимать более узкий фронт, т.-е. отказаться от маневра и на узком фронте загнать все свои войска в окопы. Конечно, это не больше, как дикий абсурд, и потому наши благоразумные войска никогда не останавливаются в заранее подготовленных для них укреплениях, за что, правда, весьма часто порицаются. В чем же может заключаться оборона в нашей войне?

Исходя из того же положения, что было принято и в национальных войнах, т.-е. что оборона без маневра невозможна, мы постараемся найти те формы, которые позволят слабейшему или отступающему собирать в решающих пунктах маневренные кулаки, чтобы ими наносить поражение противнику. Оборона в национальной войне предполагает, что участковая пассивная оборона является лишь выигры-

шем времени. Не имея возможности выигрывать время обороной, мы его выиграем отходом слабых заслонов на неважных направлениях. Одновременно, быстро оторвав от противника главные силы, мы их сосредоточим на решающем направлении и перейдем в стремительное наступление, дабы нанести противнику решительный удар. Итак, наша оборона неразрывно связана с отступлением, заранее обдуманным и рассчитанным. Пассивная оборона, хотя бы на главных направлениях отдельными участками, бесполезна, так как противник наступает широким фронтом. Означает ли это положение отрицание инженерной подготовки тыла? Отнюдь нет. Но эта подготовка должна принять новые формы. Что может обеспечить быстроту и своевременность маневра? Хорошие дороги, а главное—связь. Итак, инженерная подготовка состоит в постройке широкой телеграфно-телефонной сети и исправлении дорог в тылу армии. Рыть укрепления имеет смысл только там, где можно рассчитывать иметь на версту не менее 500 штыков (по старым понятиям 1.000 штыков) и кроме того еще необходимы участковые резервы. Вот руководящие данные для обороны в нашей войне.

4. Марш-маневр.

В войнах массовых армий главные затруднения в организации и совершении марша-маневра заключались в нагромождении больших войсковых масс на небольших участках местности. Это нагромождение приводило к движению глубокими походными колоннами и ко всем затруднениям, сопровождающим это движение.

В нашей войне, как о том не раз упоминалось выше, мы сталкивались как раз с обратным явлением: небольшой численности войска растягиваются на очень большом протяжении фронта. Благодаря этому отпадают все затруднения, связанные с глубиною походных колонн при совершении марша-маневра, зато выступают затруднения, происходящие от ширины фронта частей.

Мы уже упоминали, что фронт дивизии зачастую равен 45—60 верстам (иногда растягивается до 100 верст). При такой ширине боевого порядка дивизии, она будет иметь столько дорог, что не только бригады, но и полки имеют

каждый свою дорогу. Иногда даже батальоны имеют отдельные дороги. Из сказанного явствует, что походный порядок дивизии почти одинаков с ее боевым порядком. На переход из одного в другой нужно каких-нибудь 15 минут. Если бы в нашей войне части двигались в глубоких колоннах, то прежде чем они поспели бы развернуться, противник окружил бы и уничтожил их. Малая глубина походных колонн позволяет нашим войскам крайне легко и быстро передвигаться на большие расстояния. Наши дивизии зачастую делают переходы в 45—60 верст в сутки. Надобность в дневках почти отпадает. Для больших передвижений можно руководствоваться нижеследующей нормой, выведенной из опыта: 200 верст в неделю. При такой скорости войска не переутомляются и остаются вполне боеспособными.

Зато со стороны связи широкий фронт частей крайне неблагоприятен. Быстрота движения еще усугубляет трудности дела связи при исполнении марша-маневра.

В массовых армиях передовой авангард имел громадное значение. Он обеспечивал развертывание глубоких колонн в боевой порядок.

В нашей войне подобие походного порядка войск к боевому порядку в значительной степени умалило значение передового авангарда. Очень часто их заменяет конная и пешая разведка.

Зато большая ширина фронта частей и трудность быстро сгруппироваться к тому или другому флангу в значительной мере усилили значение боковых авангардов, обеспечивающих такую перегруппировку.

Фронт наших частей настолько широк, а самые боевые единицы настолько малочисленны, что очень часто бывает возможно перевозить пехоту на подводах. Обывательских средств для этого хватает и скорость движения, особенно зимой, чрезвычайно увеличивается. Однако рассчитывать на это нужно очень осторожно, так как противник, отступая, очень часто уводит с собой большую часть обывательских подвод.

Мы уже упоминали, что перемена направления в нашей войне встречает серьезные затруднения, благодаря ширине фронта частей. Приняв фронт дивизии в 45—60 верст

мы увидим, что наружный фланг дивизии, при перемене ею направления на 90 градусов, опишет дугу от 60 до 80 верст (приняв за ось вращения внутренний фланг). Следовательно, даже учитывая скорость марша наших частей, все-таки на перемену направления дивизией уйдут в лучшем случае сутки, а нормально двое суток.

5. Организация транспорта.

В первый период нашей войны войска наши вели эшелонную войну. Они действовали только вдоль железных дорог, так как не имели транспорта и средств связи. Но постепенно они научились пользоваться обывательским транспортом, обзавелись средствами полевой связи, а с тем вместе появилась и возможность свободно и легко маневрировать. Однако указанная выше способность эксплоатировать обывательский транспорт еще не приняла организованных форм. Рассмотрим подробно этот вопрос.

Вследствие крайней разреженности боевых и походных порядков в нашей армии, за редкими исключениями, на всех фронтах войска могут продовольствоваться местными средствами. Эта же редкая тактическая плотность имеет другое следствие в смысле снабжения, а именно: бой не носит столь напряженного характера, как это было в боях массовых армий, а это, в свою очередь, значительно уменьшает расход огнеприпасов.

Исходя из этих соображений и руководствуясь практикой, мы заключаем, что войскам необходимо подвозить лишь артснабжение, инженабжение, вещевое довольствие и колониальные товары. Если подсчитать по данным снабжения все эти виды подвозимых припасов и считая, что одна обывательская подвода поднимает 10 пудов груза, мы увидим, что для подвоза всех этих необходимых припасов на дивизию в сутки потребуется 45—50 подвод (дивизия 9.000 штыков, 16.000 ртов).

Наша армия не имеет постоянного войскового транспорта. Поэтому до создания такового ей приходится эксплоатировать живой транспорт обывательских подвод при посредстве этапно-транспортной части.

На восточном фронте, между Волгой и Уралом, если очертить круг радиусом в 10 верст, то в среднем получается, что жители этого круга, соблюдая очередь, могут выставлять ежедневно 150—200 подвод (по данным опыта этапно-транспортной части 5-й армии.) Если даже из осторожности и убавить это число вдвое, то получится около 100 подвод ежедневно.

Вероятно, такое число подвод обеспечено и на всех фронтах. При таком количестве местного транспорта хорошо сорганизованная этапно-транспортная часть может создать мощный транспорт, более чем достаточный для питания наших дивизий.

Этапы располагаются через 20 верст каждый. Пять этапов объединяются командиром этапного батальона.

Каждый комендант этапа должен взять в своем районе на учет весь обывательский транспорт и разделить его на три очереди. Очередной обоз (взвод) должен быть всегда наготове. Грузы передаются от одного этапа до другого, где и перегружаются. В штат этапа (этапной роты) должен входить командный состав для этих очередных взводов обывательского транспорта.

Эксплоатация обывательского транспорта должна вестись по железной системе и комендант этапа должен быть железным начальником в своем районе.

При движении вперед транспорт будет служить делу снабжения, возвращаясь назад—делу эвакуации.

Учитывая суточную потребность дивизии в 45 подвод и число подвод, ежедневно выставляемых этапом, в 100, мы увидим, что одна этапная линия может обслужить две дивизии. В случае недостатка местного транспорта или необходимости в большем количестве снабжения, необходимо увеличить число этапных дорог.

Такая организация транспорта, пока наши армии не велики и занимают широкие фронты, развязывают нам руки.

Это обстоятельство даже выгодно для нас.

Мы можем высказать парадоксальное на первый взгляд положение: живой обывательский транспорт неограничен по длине, а, следовательно, дивизии в нашей войне не зависят от железных дорог.

6. Темп развития операций.

Мы уже упоминали раньше о том, что операции в нашу войну развиваются стремительно. Операции массовых армий развивались значительно медленнее, во-первых, благодаря нагромождению большого числа войск на небольших участках, и во-вторых, благодаря тому, что тыловые учреждения этих армий требуют значительно бо́льших подготовительных работ. После каждой операции производились остановки, чтобы организовать тылы. Кроме того самые войска имели значительно бо́льшее количество технических средств и, будучи лучше подготовлены, вели бой с бо́льшим упорством и с бо́льшей затяжкой. В настоящее время организовать тылы очень легко. Наиболее тяжелые виды снабжения, как-то: продовольствие и фураж, войска находят на местах. Все это приводит к чрезвычайно быстрому развитию операций и к тому, что одна операция почти непрерывно следует за другой.

7. Оперативные формы наступления. Стратегические резервы.

Концентрическое наступление. Этим видом наступления у нас принято злоупотреблять до крайности. Правда, концентрическое наступление может в конце концов привести к громадному превосходству сил над противником в пункте сосредоточения наступающих армий, но для этого необходимо еще достигнуть этого пункта. Следовательно, такое наступление можно лишь тогда предпринять, когда противник не в состоянии помешать достижению пункта необходимого сосредоточения сил. Или, если это достижение не обеспечено без боев, но тем не менее предпринимается, то на всем фронте наступления тактическая плотность войск должна быть предельной. Этой весной на южном фронте наши армии наступали концентрически, но тактическую плотность имели минимальную. Выходило, как будто пункт сосредоточения назначался армиям в тылу у противника. Деникин весьма легко разорвал всю эту сложную мудрость.

Концентрическая форма наступления дает больше выгоды, но требуется большого искусства для правильного ее использования.

Обход. Чрезвычайная быстрота марш-маневра в нашей войне делает обход одним из самых решительных

средств победы. Но для успеха обход должен быть действительно стремительным. Медлительные обходы легко могут быть обнаружены противником и разгромлены быстро сосредоточенными против них силами. Это совершенно ясно, но, тем не менее, на решительные и смелые обходы, как это ни странно и ни печально, очень многие из наших начальников не решаются, а если и совершают, то совершают самые опасные обходы, т.-е. осторожные, медлительные.

Прорыв. В виду растянутости боевых порядков в нашей войне, стратегический прорыв этих кордонов очень легко осуществить. Тем не менее к этой стратегической форме у нас прибегают реже всего, так как у большинства начальников опасения за свои фланги стоят выше всех остальных соображений. Если мы вспомним соотношение сил в гражданской войне, то значение прорыва станет особенно ясным.

Стратегические резервы. Стратегические резервы, польза употребления которых всегда была сомнительна, в нашей войне и вовсе не применимы. Как уже упоминалось, фронты армий громадны. Пути сообщения в полной разрухе. Вместе с тем операции развиваются со стремительной быстротой. Все это делает употребление стратегических резервов, с целью нанесения противнику удара в решительный момент, совершенно излишним и вредным самоослаблением.

Переброски с одного фронта на другой, а также и вдоль всего фронта, конечно, должны иметь самое широкое применение.

8. Управление.

Слабость наших боевых порядков, а потому необходимость действий всех частей самым точным и однообразным способом, наконец, отсутствие определенной военной доктрины, все это заставляет в нашей войне чаще пользоваться приказами, чем директивами. Часто приходится приказы развивать инструкциями.

Особенностью нашей гражданской войны является то, что штабы армий представляют из себя крайне грузные аппараты. Сверх полевой работы они производят формирования, подготовку пополнений, многие виды военных заготовок и

пр. Эти условия делают штармы настолько грузными, что они могут передвигаться только по железным дорогам. При этом в период переезда штаб на долгое время теряет способность работать. Поэтому командармы очень часто принуждены выезжать вперед с несколькими ответственными оперативными работниками, составляющими их полевой штаб, в то место, где они могут преодолеть трудности связи.

Это же явление мы часто замечаем даже в штадивах и штабригах. Оно объясняется тем, что наше наступление бывает иногда так быстро, что обозы не поспевают за войсками, а потому начальники с легким штабом выезжают вперед.

9. Преследование.

В национальной войне. В национальной войне тактическое преследование давало большие результаты, чем стратегическое. Сбитые и отступающие войска на поле или за полем сражения принуждены бывали свертываться в походные колонны. Ввиду того, что колонны эти были глубоки, времени на их свертывание уходило очень много. Преследующий, настигая эти скопления отступающего, частью рассеивал их, частью брал в плен.

Преследование стратегическое не могло давать таких результатов. Главные массы отступающего, выделив небольшие арьергарды, могущие создать оборонительную линию, выигрывали на этой обороне арьергардов достаточно времени для того, чтобы вывести из-под ударов противника свои разбитые силы. Эти силы, отойдя в тыл и приведя себя в порядок, могли вновь с успехом вступить в единоборство с противником.

В гражданской войне. В нашей войне значение преследования приняло обратные формы. Выход из боя для отступающего противника и переход его в походный порядок чрезвычайно для него легок, благодаря небольшой глубине колонн. Поэтому преследующий мало чем может поживиться в тактическом преследовании на поле сражения.

Зато стратегическое преследование, проведенное энергично и стремительно, дает обильную жатву. Разбитые и отступающие войска не могут прикрыться и выиграть время арьергардами, так как оборона не может быть осуществима

не только арьергардами или авангардами, но и главными силами, как о том упоминалось выше. Наконец, главные силы и без того невелики и разбросаны на таких широких пространствах, что совершенно не представляется возможным выделить необходимые арьергарды. Сами главные силы слабее тех арьергардов, которые здесь были бы нужны. Таким образом, главные силы в продолжение всего отступления находятся под непрерывными и непосредственными ударами стратегически преследующего неприятеля. Под этими ударами противник быстро разваливается. Единственно, чем может спастись отступающий, это оторваться от противника, делая стремительные переходы.

Выше уже упоминалось, что характерной особенностью штабов в нашу войну является их неспособность к частым перемещениям. Стратегическое преследование, заставляя эти штабы перемещаться с места на место, вконец разрушает всю организационную и созидательную работу в армии. Это обстоятельство, в связи с непрерывным поражением отступающей армии, может превратиться в полную катастрофу для последней.

Эти соображения подтверждаются тем необычайно малым количеством добычи, захватываемой в упорных боях даже и у разбитого противника. Зато разбитый противник, непрерывно преследуемый нашими войсками на большом протяжении, оставляет нам в конце концов массу пленных и массу военного имущества.

10. Разведка.

Шпионаж. Гражданской войне представляются широкие возможности в деле организации шпионажа. Несмотря на то, у нас дело шпионажа поставлено слабо. Если бы руководящие классовые партии обязывали своих членов изучать дело агентуры, то его можно было бы широко и блестяще организовать.

Войсковая разведка. Недостаток в наших армиях конницы сильно затрудняет использование ее для целей стратегической разведки. В этом случае на помощь коннице приходит пехота на обывательских подводах. Службу разъездов несут конные ординанцы или разведчики, а службу разве-

дывательных эскадронов несут разведывательные батальоны на подводах. Блестящий пример организации такой стратегической разведки имеется в опыте 5-й армии. В ноябре этого года необходимо было получить точные сведения о формированиях Дутова в Кокчетавском районе. Кавалерия не могла быть использована для этого, так как участвовала в преследовании противника. Стратегическая разведка пехоты на подводах дала точные и обстоятельные сведения о наличных силах и формированиях в этом районе атамана Дутова.

Большую часть сведений о противнике мы получаем из боевых столкновений.

Воздушная разведка играет ничтожную роль, благодаря общей слабости нашей техники.

Статистика Театры военных действий в нашей гражданской войне, по большей части, не были раньше исследованы в военном отношении. Карты отличаются неполнотой и устарелостью. Это заставляет наши штармы усиленно заниматься сбором статистических данных. Для этой цели в 5-й армии при Оперативном отделе учреждено статистическое отделение.

11. Партизанство.

Теперь последний вопрос—партизанство. В нашей войне замечается совершенно неправильное отношение к вопросу о партизанстве. На опыте южного фронта, или лучше сказать украинского, мы видели, как партизанство самым разлагающим образом действовало на нашу регулярную Красную армию.

Многие напуганные этим, и на восточном фронте, в Сибири, где имеет место массовое партизанство, также боялись вредного его влияния. Однако, как мы видим, это партизанство не только не разлагает нашей армии, но, наоборот, служит ей отличным источником пополнения и даже помогает ей в ведении операций.

В чем же здесь дело?

Понять этот вопрос будет очень легко, если мы подразделим партизанство на две категории.

Партизанство национальное и партизанство классовое.

Эти определения сразу объясняют все происшедшее. Украинское партизанство мелко-буржуазного характера и анархистского оттенка, хотя бы и направленное против Деникина, тем не менее ни в коем случае не могло идти рука об руку с нашей Красной армией чисто классового характера и духа. Такое партизанство, если оно не будет пресечено в корне, неменуемо гибельно отзовется на нашей армии. В Сибири партизанство возникло среди крестьян, чаша терпения которых переполнилась, которые восстали против эксплоататоров, которые сами у себя организовывали Советскую власть, которые душой и телом стремились воссоединиться с рабоче-крестьянской Россией. Это движение было движением полной солидарности сибирского крестьянства с рабочим классом. Такое партизанство могло быть нам только полезным, и мы не ошиблись, широко поддерживая его.

Политика и стратегия в гражданской войне [1].

С того момента, как пролетариат захватывает власть в свои руки, его классовая борьба с буржуазным правительством превращается в гражданскую войну, а последняя, по мере упрочения власти пролетариата, принимает все более и более широкие размеры, втягивая в себя и прочие буржуазные государства.

Национальная война являлась продолжением политики между государствами другими, более решительными средствами. Гражданская война также является продолжением политической борьбы пролетариата с буржуазией, но также другими средствами.

Захват власти рабочими уже является актом военным, и вожди пролетариата ставят эту цель, взвесив силы и средства, необходимые для ее достижения. В письмах о тактике тов. Ленин еще в апреле 1917 г. ясно и определенно делает подсчет сил и средств пролетариата для свержения господства буржуазии, учитывая притом и роль крестьянства. Он считает, что Советы являются организацией большинства народа. Как только большевики получат большинство в Советах, так поставится и задача захвата политической власти Советами.

Таким образом политика учитывала не только соотношение сил, но и время, когда предстояло произвести захват власти.

Последний, хотя и является сам по себе актом военным, тем не менее он еще не есть гражданская война, он еще только пролог к ней. Настоящая гражданская война начи-

[1] Напечатано в № 2-ом журн. „Революционный Фронт", орган Реввоенсовета юго-зап. фронта и украинск. совета труд. армии.

нается лишь после того, как диктатура пролетариата стала действительностью.

С этого момента пролетарское государство становится островом среди моря прочих буржуазных государств. Социалистический остров в таком море невозможен, буржуазия не может допустить его существования. Он или должен погибнуть под ударами буржуазии, или должен распространить социалистическую революцию путем гражданской войны во всем мире. Чем больше будет иметь успехов социалистический остров, тем ожесточеннее и организованнее будет наседать на него мировая буржуазия, так как тем опаснее и заразнее он для нее становится.

Эти положения приводят к тому, что цели, которые ставит политика, в гражданской войне отличаются крайней решительностью. Буржуазные государства быстро объединяются на платформе борьбы с социалистическим островом и ставят предельную решительную цель: *уничтожение социалистического острова.*

Диктатура пролетариата, хотя бы только из чувства самозащиты, должна поставить целью для своей армии: *свержение власти буржуазии во всем мире.*

Такая политическая обстановка придает гражданской войне характер самой крайней ожесточенности не на живот, а на смерть. Обе стороны отдадут на эту войну все свои средства и силы.

При объявлении войн национальных, политика буржуазных государств согласовала свои цели с состоянием военного могущества своего государства. Она могла выискивать наиболее удобный момент для объявления войны, в зависимости от готовности своей армии. Наконец, объявляя войну, она ставила такую цель, какую армия могла выполнить при данной реальной ее силе.

В возникнувшем же социалистическом острове внешняя политика с самого начала стоит перед фактом неизбежности гражданской войны. Буржуазные государства не могут признать законным существования такого острова. Уже упоминалось выше, что, в силу всех этих причин, диктатура пролетариата неизбежно стоит перед задачей свержения власти буржуазии во всем мире.

Итак, в гражданской войне политика ставит цель войны, *не считаясь с военным могуществом* социалистического острова. Наоборот, военная власть этого острова *должна создать армию такой силы, чтобы достигнуть поставленной цели.*

Характерной особенностью гражданской войны является также и то, что военные успехи каждой из сторон не только не уменьшают поставленной противником политической цели, не только не заставляют его отказываться хотя бы частью от своих замыслов, но, наоборот, убеждают его в необходимости с еще большим напряжением и настойчивостью достигать раз поставленной предельной политической цели. Это вытекает из того положения, что, с одной стороны, побеждающий пролетариат доказывает тем самым органическую жизненность социалистического строительства, что буржуазия не может допускать, с другой стороны, побеждающая буржуазия никогда не остановит своих удачных действий до окончательного удушения социализма.

В национальных же войнах неудачи часто служили мотивом для сокращения своих политических замыслов.

Восставший пролетариат, ставя предельную цель свержение буржуазии во всем мире, тем не менее не оставляет свою армию без руководства, в смысле постановки ближайших политических целей, как-то: захват той или другой области, истребление того или другого внешнего контрреволюционного гнезда и проч.

Внешняя политика зорко следит за результатом военных действий, оценивает волю, настроение и средства противника. Стратегия чутко прислушивается к этим выводам политики и принимает их в расчет.

В общем ходе событий гражданской войны встречаются, как отдельные эпизоды, случаи заключения перемирий или даже мира с некоторыми буржуазными государствами. Но все эти случаи не имеют под собой твердой почвы, и обе стороны обычно смотрят на них, как на передышку. Конечно, стратегия, по соглашению с политикой, не преминет использовать эти передышки в свою пользу.

Политика прилагает все усилия к тому, чтобы затруднить буржуазии других стран активно выступить против рабочей республики. Она требует невмешательства мировой буржуазии в дела республики. Она открывает глаза ино-

транному пролетариату на тайные ходы буржуазии, вооружающейся против социализма.

Политика буржуазных государств, составляющих коалицию для удушения социалистического острова, встречает громадные трудности. Главное затруднение состоит в том, что ни одно буржуазное государство не решается вступить непосредственно в открытую борьбу с пролетарской революционной армией, боясь заразить революционностью и свой пролетариат. Поэтому крупные капиталистические страны толкают обычно в непосредственные столкновения различные мелкие государства. На этой почве происходят бесчисленные недовольства, несогласия, изменения или дополнения договоров и пр. Все это отнимает время, вносит путаницу и дезорганизацию.

Политика пролетарской республики зорко следит за всеми этими напастями политики буржуазной, а пролетарская стратегия спешит использовать все счастливые для себя стечения обстоятельств.

Со стратегией, кроме внешней политики, связана бывает часто и внутренняя политика. Несмотря па наличие постоянной диктатуры пролетариата в социалистическом острове, иногда необходимо бывает в связи с обстановкой на фронте применять меры террора внутри. Иногда для победы над внутренним врагом приходится задаваться одержанием специальных побед над внешним врагом и проч. Во всяком случае, военное командование только тогда будет спокойно, когда в тылу у армии все будет благополучно.

Таким образом, в гражданской войне, так же, как и в национальной или империалистической, стратегия тесно связана и даже переплетена с политикой. Точно также и политика не может оторванно работать от стратегии. Зато в способах достижения намеченной цели стратегия самостоятельна. За эту разграничительную линию политика не должна переходить.

Однако на деле у нас очень часто утверждают, что характерной особенностью гражданской войны является то, что стратегия не только в преследовании известной цели, но и в способах ее достижения руководствуется желаниями и указаниями политики. Один из виднейших военных специалистов не так давно говорил мне, отстаивая право вмеша

тельства политики, что последняя заставляет нас, между прочим, действовать главными силами не по решающему направлению, а по линии наименьшего сопротивления. Оценивая с этой точки зрения наше стратегическое положение осенью 1919 года после разгрома армий Колчака, казалось бы, что главные силы с южного и западного фронтов надлежало бы перебросить на восточный, где их и ожидало бы наименьшее сопротивление. Но это уже очевидный обсурд. Особенно распространена болезнь „вмешательства политики" среди политических работников армий. В пример приводятся некоторые случаи вмешательства политики в дела военного командования, благодаря которым были сохранены те или иные пункты с крупными надписями на карте. Правда, иногда это давало хорошие результаты, но не надо забывать, что это влекло зачастую и крупнейшие поражения. Увлечение спасением Царицына весной 1919 г. повлекло за собой разгром всего южного фронта. Чем же объясняются все эти нелады между стратегией и политикой в нашей войне?

Дело объясняется просто, если мы вспомним, что командный состав в пролетарской армии не „свой", а в первый период войны даже враждебный. Таким образом с первых же шагов гражданской войны обнаруживается недоверие пролетариата к своим военным руководителям, а это, естественно, влечет за собой и вмешательство в их дела. Кроме недоверия, играет еще роль и то, что в общей своей массе старые военспецы настолько консервативно настроены, что не в состоянии бывают перейти к новым формам ведения войны, вызванным революцией. Эти новые стратегические формы революционеры улавливают ранее военспецов, а потому и не удивительно, если они вмешиваются в дела командования.

Характерно то, что со стороны белых такого вмешательства политики в специальные дела стратегии нет, так как у них командный состав свой, родной.

То же явление наблюдалось и в американской войне за „освобождение", да и в войнах французской революции.

Однако указать на это явление—еще не означает признать его целесообразным. Выше уже упоминалось, что война—это „продолжение политики другими средствами". Средства же политики и стратегии не только по внешности различны, но и по сущности своей. Поэтому-то Бернгарди

и говорит, что война „была бы не верна своей сущности, если бы прибегла к средствам политики". Если бы мы должны были признать, что в гражданской войне со стороны пролетариата не может быть своего, родного командного состава, то, конечно, пришлось бы признать нормальность вмешательства пролетарской политики в дела своего военного командования. Но это положение мы никак не можем признать нормальным. Пролетариат к моменту социалистической революции должен подготовить свой командный состав. Если после примера нашей революции пролетариат, например, Германии или Франции не озаботится подготовкой комсостава к будущей революции, то это будет непростительным легкомыслием.

Офицерский состав буржуазной армии, идейно переваривший революцию и присоединившийся к пролетариату, последний, конечно, признает своим.

Вмешательство политики в дела стратегии чрезвычайно большое зло. Для успеха военных операций главнокомандующему должна быть предоставлена полная мощь. Политика должна ему безусловно доверять. Поэтому, если даже пролетариат случайно и не имеет своих военспецов, то все же лучше будет поставить во главе командования, так же, как и на всех низших ступенях командования, своих людей, облеченных доверием, революционеров по духу, хотя бы и не знающих полного объема премудрости военной. Назначение военспецов, связанных по рукам и ногам, пользы не приносит. Ревсоветы, это бельмо на глазу нашей стратегии, сами себя навязывают в доказательство того, что существование их противоречит сути дела.

Выгоднее всего достигается гармония между политикой и стратегией тогда, когда руководство ими принадлежит одному лицу.

У нас роль этого лица должен играть *Совет Обороны*.

Вожди политики и стратегии должны быть объединены одной идеей, должны быть родственны по духу. И в гражданской войне это особенно важно, и только, когда пролетариат выдвинет свой командный состав, только тогда война даст ему все те результаты, которые он от нее ожидает.

18 января 1920 г., Курск.

Возникновение гражданской войны [1]).

Начало. Гражданская война, как результат происшедшего социального переворота, являющегося в свою очередь следствием классовых антагонизмов, существующих в современном буржуазном государстве, обычно получает свое начало в столичных городах или крупных производственных центрах. После ожесточенных уличных боев восставшие, захватив власть, начинают спешно организоваться и создавать вооруженную силу, ожидая, естественно, вооруженного нападения свергнутой старой власти.

Если таких революционно или контр-революционно настроенных центров мало и почвы благоприятной для переворота нет, то подобные восстания (революционные или контр-революционные) обычно легко бывает подавить в самом начале.

Если же переворот назрел, а если и не назрел, но подвернутся войска, настроенные в пользу восстания, то последнее удается, и создается новая власть. К первому восставшему центру присоединяются другие восставшие и власть начинает упрочняться. Однако, классовые противоречия настолько сильны и остры, что не может быть и речи о том, чтобы старая власть безропотно подчинилась новой. Старая власть использует все еще не восставшие места и области, еще пока остающиеся за ней, чтобы сломить ненавистных повстанцев.

Даже захват самого старого правительства положительного результата не даст и не означает конца борьбы, так как вместо захваченного правительства возникает новое,— выдвинутое недовольным классом для защиты своих классовых интересов,—где-либо вне столицы.

---

[1]) Напечатано в сборнике „Гражданская война“, издание 5-й армии.

Теми или иными видами, теми или иными способами в конце концов старая власть где-либо укрепляется и стремится свергнуть новую власть. Соседние буржуазные государства не замедлят оказать помощь контр-революции.

Так происходит в том случае, если захвачено само правительство и резиденция старой власти. Но, если восстала лишь одна из областей государства, то старая власть просто направляет все свои силы для подавления восстания.

Гражданская война отличается всегда самой крайней ожесточенностью. Особенную энергию выказывают революционные элементы.

Жизненные центры. Как уже было сказано, как только восставшие захватят в свои руки какой-либо центр, в нем начинается кипучая организационная деятельность и созидание вооруженной силы. Восставший центр становится душою восстания. Он и духовно и материально поддерживает восстания в соседних центрах, чтобы сразу же обеспечить себя широкими средствами борьбы.

Этот центр становится средоточием всего: вся жизненная энергия восстания устремляется к нему, на нем базируется вся периферия возникающего государства.

От этого жизненного центра начинается и борьба за расширение пределов восстания, т.-е. за расширение границы нового государства путем захвата новых важных центров, чтобы, черпая в них силы, увеличивать свою мощь как военную, так и экономическую, чтобы быть в силах обеспечить себя своим собственным производством.

Так было с захватом Петрограда большевиками, так же было с захватом Самары чехо-словаками, баварцами—Мюнхена и т. п.

Когда восстание осуществляется и жизненный центр захватывается, то повстанцы имеют обыкновенно лишь небольшое число военной силы. Естественно, что восстание вызванное борьбою классов, не может не вызвать самого ожесточенного отпора. Поэтому восстающие должны ясно сознавать, что их ожидает напряженная гражданская война, к которой они и должны заранее готовиться. Как уже упоминалось, лихорадочная работа по созданию вооруженной силы начинается сразу же по захвате центра восставшими.

Средства для создания этой силы черпаются из самого центра, почему такие центры мы и называем *жизненными*.

Эта работа по созданию новой армии носит действительно характер *лихорадочной работы* и дается с громаднейшим трудом.

Первое время создаваемую живую силу приходится использовать для внутренней борьбы, для окончательного закрепления новой власти, кроме того, местная вооруженная сила старой власти, не перешедшая на сторону новой, а также местные элементы, недовольные восстанием, объединенные общей идеей, ведут непрерывную, утомительную борьбу на окраинах захваченного центра или области.

Эта двойная и неизбежная борьба до крайности затрудняет планомерное создание армии. Войсковые части раздергиваются по частицам для заплаты „прорех“. Организация войсковых соединений получается пестрая и долгое время не представляется возможным создать крепкой однообразной регулярной армии. А между тем, старая власть, уже и до восстания имевшая вооруженную силу, начинает сосредоточивать свои войска для подавления восстания.

Таким образом, начало творческой работы *жизненного центра* бывает крайне тяжелое и находится в большой опасности. Эта задача, конечно, сильно облегчается, если на сторону восставших переходит вооруженная сила страны в этом районе, или, если восстание встречает подъем всего населения. Но и в этих случаях все-таки новой власти придется вести борьбу за свое существование.

В общем *жизненный центр* или захваченная область, ведя внутреннюю и местную внешнюю борьбу и тратя на нее частями создаваемую вооруженную силу, все же готовится к войне в крупном масштабе и для нее подготовляет большую армию.

При изложении характера создания вооруженной силы *в жизненном центре* имеется в виду не делать различия между захватом власти революционным и контр-революционным.

Дело в том, что для стратегии совершенно безразлично, кто поднял восстание. Важно только исследовать процесс возникновения нового государства и новой вооруженной

силы, а также указать на неизбежность гражданской войны в этом случае.

Конечно, возможность восстаний революционных и контр-революционных совершенно не одинакова, но исследовать этот вопрос уже не дело стратегии.

Мертвящие центры. Выше исследовался вопрос о центрах, из которых восстание черпает все свои материальные и духовные силы.

Но, естественно, на территории, захваченной восставшими, будут и такие центры, которые не только не будут служить источником поддержки новой власти, но, в силу различия классовых интересов с восставшими, будут находиться постоянно в оппозиции к ней, а также будут искать первого подходящего случая, чтобы восстать и свергнуть эту ненавистную власть.

Такие центры в продолжение всей войны будут оттягивать на себя в гарнизоны живую силу с внешнего фронта.

Таким образом, эти центры, разрушая работу по созданию армии, вместе с тем не дают возможности выбросить все вооруженные силы на фронт.

В противоположность *жизненным*—такие центры можно было бы назвать *мертвящими*.

Как на пример, укажем на район Южно-Уральских заводов, всецело стоящих на советской платформе. Чтобы держать заводы в повиновении, пресекать партизанские действия, Колчаку приходилось в ущерб фронту держать там значительную вооруженную силу.

При наступлении одной из сторон, центры, являющиеся *мертвящими* для одного борющегося, в то же время являются *жизненными* для другого, так как они не только оттягивают на себя с фронта живые силы противника, но при приближении своих поднимут восстание и могут выставить вооруженную силу в тылу у противника.

То же и наоборот: *жизненные центры* для одной стороны бывают чрезвычайно опасными *мертвящими* центрами для другой при прохождении последней через этот центр. В этом случае встретится не только сопротивление живой силы противника, но и сопротивление среды.

Живая сила. Как уже было упомянуто, в начале гражданской войны восставшая власть не может выставить сразу

на фронт значительную живую силу, так как она лишь с началом восстания может начать формирование армии.

В первое время восстания и некоторое время после него вооруженная сила представляет собою лишь разрозненные отряды, которые несут более жандармскую службу внутри, чем выставляются как живая сила на фронт для противодействия врагу.

Вообще, в виду лихорадочности и возбужденности работы, долгое время формирования имеют неорганизованный и беспорядочный характер. Это крайне вредно отражается на деле создания армии. Поэтому надо с самого начала составить строгую программу для создания крепкой регулярной армии, построенной на порядке и дисциплине.

Революционные правительства обыкновенно становятся перед чрезвычайно сложным вопросом командования. Командный состав армии монархического или буржуазного государства бывает обыкновенно настроен явно враждебно к пролетарской власти. Поэтому, за неимением своих специалистов, приходится все-таки использовать старых, а это вызывает необходимость разделения власти путем создания института комиссаров. Конечно, такая система вредно отражается на качестве армии, и восстающий пролетариат должен сразу же приняться за создание своего собственного кадра командиров и в кратчайший срок провести единоличное командование.

Можно смело утверждать, что окончательная стройность и дисциплина в армии установятся лишь по введении принципа единоличного командования.

Вооруженная сила в буржуазных государствах создается в течение многих десятилетий. В гражданской войне мы сталкиваемся с обратным явлением. Восстающее государство наново и наспех в течение нескольких месяцев должно сформировать армию. Счастье этого нового государства, если старая власть в силу революционных потрясений потеряет свою образцовую армию.

Естественно, что вновь созданная армия не будет походить на регулярную европейскую массовую армию.

Ее первым отличием будет *сравнительная малочисленность;* вторым отличием будет *слабая техническая сила и*

подготовка и третьим, чрезвычайно важным обстоятельством будет *отсутствие обозных средств.*

Прямыми следствиями этого будут следующие положения, чрезвычайно важные при стратегических расчетах:

1) Сравнительная малочисленность армии с неизбежной растянутостью (о чем будет говорено ниже) дает зачастую возможность прокормить ее местными средствами края, мало обременяя тыл подвозом продовольствия.

2) Сравнительно слабое техническое оборудование армии также облегчает тыл, особенно же ввиду значительно меньшего расходования огнеприпасов, чем в массовых регулярных армиях.

3) Отсутствие обозов надлежит заменять организованным использованием обывательских подвод, что вполне достижимо, принимая во внимание пункты 1-й и 2-й.

Ни в каком случае не следует больлшо оседлывать железные дороги или судоходные реки.

В связи с высказанными здесь положениями чрезвычайно важно также исследовать вопрос об отношении числа живой силы к пространству.

Это отношение изменяется с изменением зависимости армии от своих тылов. Обеспечение тыла, а также и, пожалуй, главное, обслуживание тыла отнимает огромное число людей от войск с фронта.

В массовых армиях, снабженных огнестрельным оружием, требующим громадного расходования огнеприпасов, расход людей на тылы увеличивается не пропорционально коммуникации, а прогрессивно. В армиях с холодным оружием зависимость от тыла самая незначительная.

Само по себе огнестрельное оружие не определяет степени грузности тылов. Например, массовая армия и армия гражданской войны вооружены одинаковым оружием, но потребление огнеприпасов различное.

Грузность тылов и расход на них людей, главным образом, определяется количеством потребляемых огнеприпасов, а затем в связи с численностью, кучностью армии—количеством необходимого для подвоза продовольствия.

Итак, большой расход предметов снабжения, а также увеличение тылового пространства вызывают ослабление боевой силы и за ее счет усиление тылов. Если, наступая.

жизовое пространство увеличивать без ограничения, то в конце концов мы дойдем до предела, за которым двигаться будет нельзя, так как живой силы не останется: она вся перейдет на тылы.

Во избежание опасного растрачивания живой силы следует искусственные тылы превращать в естественные, т.-е. занятые области организовывать так, чтобы они служили для войны так же, как и свое собственное государство. Значит, нужно создавать как бы новые *жизненные центры*. В гражданской войне, ввиду возможности использовать классовую борьбу,—создание таких *жизненных центров* достигается довольно легко, чему наша гражданская война дает много примеров.

Таким образом, гражданская война позволяет, опираясь на сочувствующие классы, создавать по мере продвижения войск органический тыл, а этим при искусстве можно достигнуть не только сохранения боевой силы, но даже ее увеличения.

Наступающие, производя мобилизацию в занятых областях, чрезвычайно увеличивают свою численность, а это ослабляет вредное влияние увеличения пространства.

Конечно, пополнение мобилизованными в занятых областях должно быть проводимо осторожно и самым организованным порядком.

Но в некоторых местностях с определенным классово-враждебным населением невозможно не только создание органического тыла, но еще приходится отвлекать с фронта массу войск. Таких тылов надо избегать.

Наш южный фронт пренебрег этими соображениями при наступлении и теперь жестоко поплатился за эти упущения.

Естественно, что различный характер армий влечет за собой и различный способ их действий.

Чем меньше зависит армия от тылов, тем больше будет ее маневренная способность. Чем бо́льшей силы достигает артиллерийский и ружейный огонь, тем реже будут боевые порядки и строи. Чем реже будут в силу тех или иных условий боевые порядки, тем меньшими колоннами можно будет совершать походные движения.

Вот эти-то или подобные условия и создают в связи с незыблемыми основами стратегии различные формы использования сил в различные эпохи.

С началом войны для сокрушения силы противника живая сила одной стороны ищет живую силу другой стороны, чтобы разбить и уничтожить ее.

При столкновении этих двух сил, помимо того, кто займет наиболее выгодное положение, разобьет та сторона, которая разовьет наибольшую силу удара. Попробуем исследовать вопрос, из каких элементов слагается сила удара.

Совершенно ясно, что чем бо́льшее число примет участие в ударе, тем сильнее будет и сам удар. Чем с бо́льшей скоростью одна сторона нанесет его по другой, тем сильнее будет и сам удар.

Немалое значение играет и пространство. С одной стороны, чтобы достичь наибольшей силы удара, таковой должен наноситься с места, не ближе известного расстояния, чтобы развить как бы инерцию. С другой стороны, удар с бо́льшего, чем надо, расстояния спутает атакующие части и ослабит порыв.

Таким образом, принимая во внимание, что скорость пехоты—величина постоянная, выходит, что сила удара зависит от числа брошенных для удара войск. Конечно, войска бывают разного качества, а потому число требует известной поправки в зависимости от боеспособности войск.

Теперь является вопрос, как использовать число, чтобы получить максимум силы удара?

Ответ один: *пустить в атаку все войска, не оставляя в резерве ни одного штыка.*

Затрагивая вопрос о резервах, невольно приходится несколько остановить на нем внимание, хотя по существу своему этот вопрос и не новый, однако имеющий большое значение, в особенности в связи с теми разногласиями, которые он вызывает при его решении.

Когда я говорю „не оставлять в резерве ни одного штыка“, я имею в виду стратегический резерв, оставляемый начальником, так сказать, на всякий случай, если противник что-либо предпримет неожиданное и на каком-либо участке фронта потребуется поддержка.

Опыт показал, что, благодаря растянутости и редкости фронта в настоящей гражданской войне да еще при нашем плохом транспорте, такие подкрепления никогда не успевали притти во-время, чтобы принять участие в бою и в

конечном итоге такие стратегические резервы превращаются в бесцельно гуляющие войска, вместо того, чтобы находиться на фронте. С другой стороны, существование стратегического резерва без определенной боевой задачи, ослабляет активность и инициативу начальника, так как сам факт существования такого рода резервов говорит за то, что начальник часть своей инициативы передает на волю противника.

Конечно, положение „не оставлять в резерве ни одного штыка“ не исключает стратегического резерва, предназначенного для выполнения строго определенной боевой задачи и составляющего как-бы скрытую боевую линию фронта.

Возвращаясь к сказанному выше, надо заметить, что и такое определение не вполне исчерпывает вопрос. Дело в том, что с развитием силы огня боевые порядки и строи редеют, при чем всегда существует предельная тактическая плотность и глубина построения для атаки.

Например, Наполеон, ввиду сравнительно слабого огня его времени, мог пользоваться необыкновенно глубокими построениями и силы удара достигал инерцией этой массы.

Огонь нашего времени совершенно не допускает такой глубины построений, а потому можно высказать положение, несколько парадоксальное на первый взгляд, а именно: развитие огня принуждает войска разбрасываться в ширину для достижения максимума силы удара.

Слишком глубокие построения совершенно бессмысленны, так как тогда не все части примут участие в ударе. Словом, сила удара требует использования всех сил, а это последнее с развитием огня требует разброски сил.

Собственно говоря, в гражданской войне малую плотность боевых линий определяет не сила огня, а целый ряд других условий, о чем будет сказано дальше.

Когда восстание охватывает какой-либо центр, то, как уже говорилось, фронт обозначается сам собой непрерывным выделением живой силы „жизненными центрами“.

Это создание и питание фронта происходит стихийно. Тыловые формирования по прибытии на фронт развертываются тогда, когда фронт, собственно говоря, уже обозначен.

Вообще, в гражданской войне ближайшие „жизненные центры“ имеют внутреннюю спайку с имеющимися перед ними войсками.

Этими условиями объясняется разбросанность и без того небольших армий в гражданской войне.

Кроме высказанных причин влияют на указанное свойство разбросанности и сознательные расчеты. Дело в том, что для создающихся армий дорог каждый, даже и незначительный *жизненный центр*, так как из них черпается вся сила. Поэтому, чтобы прикрыть их от нечаянных нападений, иногда необходимо растянуться, так как пространства велики, а средства передвижения недостаточны, чтобы своевременной переброской сил парировать удар противника.

Кроме того, что прифронтовые *жизненные центры* питают нашу армию и потому их страшно отдать, но еще и то обстоятельство, что противник, захватив эти центры, усилит их средствами свои войска, заставляет их вдвойне беречь. В самом деле, как нам, так и противнику легко использовать чужие *жизненные центры*.

Это основные причины, заставляющие фронт растягиваться.

Конечно, такое растяжение вовсе не означает ведения войны кордоном. Наоборот, недостаточная плотность фронта заставляет широко пользовать переброски для создания ударных групп, а также концентрические наступления.

Благодаря редкой плотности фронта, организация маршманевра резко изменяется. Например, в нашей гражданской войне полк в среднем занимает 5—10 верст по фронту. Вполне понятно, что при таких условиях полк почти всегда будет иметь свою дорогу; мы видим даже, что части батальона имеют свои дороги.

Вполне естественно, такое свойство наших войск почти исключает понятие о развертывании колонн. Небольшая длина колонн позволяет передвигаться с громадной быстротой.

Кроме того, зачастую у местного населения оказывается достаточно подвод, чтобы передвижения пехоты можно было совершать на них.

Несколько труднее перемены фронта частей из-за большого их протяжения, но благодаря быстроте движения частей и этот вопрос не представляет больших затруднений главным образом, потому, что из-за отсутствия глубоких колонн перекрещивания частей не так страшно.

Эта беглая характеристика живой силы в гражданской войне имеет целью указать и объяснить отличие в боевых

порядках и действиях вооруженной силы гражданской войны и вооруженной силы массовой армии, которая, хотя в одну и ту же эпоху и бывает одинаково вооружена, но в силу различных условий действует различно.

Теперь постараемся на основании вышеизложенного вывести заключение о наилучшем использовании живой силы в гражданской войне.

Исходя из положения, что сила удара требует использования всего числа бойцов без остатка и, принимая во внимание незначительную плотность гражданского фронта, приходится заключить, что глубина и плотность построений далеко не достигает до предельной, а потому для развития максимума силы удара,—части для удара надо сосредоточивать. Ввиду того, что наличная вооруженная сила обычно бывает использована вся без остатка, на усиление удара резервами не приходится рассчитывать, а потому главным средством усиления плотности участка удара, будут служить переброски с других участков или же концентрические движения.

Вообще же армию надо держать кучно и обеспечивать нужные направления быстрыми и решительными маневрами, используя способность войск быстро передвигаться.

Операционные линии. В войнах массовых армий каждому государству заранее бывало известно, какая армия будет выставлена против него враждебным государством.

При возникновении гражданской войны ясно, что никто не знает, какая армия может быть выставлена повстанцами в будущем. Приходится считаться только с фактами.

Старая власть в восставшем центре не встречает организованной вооруженной силы. Правда, с самого возникновения восстания элементы населения, захватившие власть, спешно вооружаются, но этой вооруженной силы едва хватает на то, чтобы удержать за собой власть от местной оппозиции.

С другой стороны, восставший центр представляет громадную опасность для старой власти, так как он из себя спешно и прогрессивно выделяет и вооружает войска, которые через короткий промежуток времени могут подучиться и сорганизоваться в крепкую боевую силу.

Следовательно, восставший центр вначале серьезной живой силы, могущей противостоять организованному наступлению, не имеет, но зато имеет все средства, чтобы создать себе в скором времени сильную армию.

Естественно, что старая власть ведет с самого начала наступательную войну, ставя себе задачей подавить восстание, оккупировать и возвратить себе восставшую область.

Какое же решающее направление изберет командование старой власти?

Если мы обратимся к прежним завоевательным войнам, то увидим, что нападающий все свои силы направлял на армию противника, чтобы, по ее уничтожении, занять территорию государства и тем лишить его средств борьбы.

В начале восстания командование старой власти стоит перед той же задачей, что и командование нападающей стороны в прежних войнах после уничтожения армии врага, т.-е. перед захватом *жизненных центров*.

Следовательно, в начале подавления восстания решающее направление будет на главный *жизненный центр* восставших.

Конечно, если восстание душится быстро, без потери времени, то развертывание правительственной армии, после обеспечения его от нападения отрядов восставших, произойдет на подступах к этому главному *жизненному центру* за линией войск „местного сопротивления".

Если же по тем или иным причинам удушение восстания запоздает, то восставшие поспеют создать армию.

Тогда развернувшаяся правительственная армия встретит перед собой не только *жизненный центр*, но и живую силу противника.

Что же будет служить в обоих случаях объектом операции развернувшейся правительственной армии?

В первом случае, т.-е. в первом периоде восстания, *жизненный центр*, а во втором—*живая сила противника*.

Восставшая область, еще не имеющая армии, в первое время войны задается оборонительным планом войны, широко пользуя методы „малой войны" и партизанских действий. Понемногу, с созданием своей армии, восставшие переходят в наступление, при чем самая опасность, грозящая их существованию, требует крайней решительности в наступлении и дерзкой смелости.

На этом я и заканчиваю мое сооообщение.

Некоторая недоговоренность и разбросанность изложения совершенно неизбежна, если считаться с серьезностью и обширностью затронутого вопроса и недостатком времени для его детальной разработки в условиях боевой жизни на фронте.

Революция извне [1]).

Борьба пролетариата против буржуазии должна вылиться в конце концов в захват государственной власти пролетариатом.

Было бы естественно предположить, что этот акт будет иметь место самостоятельно в каждом отдельном государстве. Маркс указывал, что „если не по сущности, то по форме, борьба пролетариата против буржуазии есть прежде всего борьба национальная. Пролетариат каждой страны покончит со своей собственной буржуазией".

Однако, дело не всегда может сложиться так благоприятно.

Громадная сила, заключающаяся в государственной власти буржуазии, малая вероятность одновременной революционной, социалистической вспышки в нескольких государствах сразу и, наконец, накопившийся у буржуазии опыт борьбы с рабочим классом, заставляют признать, что государство, в котором пролетариат захватил власть в свои руки, может на некоторое время остаться оторванным социалистическим островом среди моря окружающих его буржуазных государств.

Вспышка социалистической революции в одном из государств неминуемо вызовет в соседних государствах усиление диктатуры буржуазии. На государство же восставшего пролетариата будут немедленно направлены гром и стрелы всего буржуазного мира.

В таких условиях зарождается гражданская война. Она прежде всего разгорается в размерах национальных, хотя низверженная буржуазия в своей контр-революционной борьбе и получает поддержку от буржуазии мировой.

---

[1]) Напечатано в 3-м сборнике „Революция и война", изд. Западного фронта.

Эта гражданская война из своих национальных размеров развивается в размеры больших внешних классовых войн, по мере того, как буржуазный мир убеждается, что побежденная буржуазия данного государства не может возвратить себе государственной власти и что диктатура пролетариата в этом государстве, принимая все более и более совершенные и прочные формы, начинает уже одним своим существованием угрожать спокойствию мирового капитала.

Таким образом, с момента восстания пролетариат данного государства вступает не только в борьбу со своей собственной буржуазией, но и в неравную борьбу с буржуазией всего мира.

Итак, в развитии борьбы рабочего и буржуазного классов она из внутренней борьбы вырастает во внешнюю войну, в которой пролетариат не может ограничиться пассивной ролью.

Наступление же революционной армии рабочего класса в пределы соседнего буржуазного государства может низложить там власть буржуазии и передать диктатуру в руки пролетариата.

Захват власти. В общем захват государственной власти в буржуазной стране может идти двумя путями: во-первых, — путем революционного восстания рабочего класса данной страны и, во-вторых, путем вооруженного действия со стороны соседнего пролетарского государства.

Оба эти случая имеют одинаковую задачу—произвести социалистическую революцию, а потому, естественно, должны быть равноценны для рабочих всех стран.

Условия захвата и удержания государственной власти. Основным условием успешности захвата государственной власти является подготовленность масс к революционному перевороту.

Эта подготовленность, с одной стороны, определяется степенью развитости рабочего класса и, с другой стороны, и, притом, главным образом, безнадежностью всяких других путей.

Ненависть разделяет рабочий класс и буржуазию на два непримиримых класса, которые уже не могут избежать кровавого столкновения.

Это сознание своих классовых врагов и одновременно сознание классовой солидарности рабочих всего мира, глав-

ным образом, и создают почву, необходимую для социалистической революции.

Чрезвычайные препятствия встречает на своем пути революция, если классовый инстинкт пролетариата отуманен мелко-буржуазным национализмом.

Нарастание революции. Социалистическая революция начинается захватом государственной власти.

Этот захват только тогда будет прочен, если пролетариат уже вполне подготовлен к революции, или же способен к быстрому революционизированию и, таким образом, способен поддержать свой более смелый и подготовленный авангард.

С этой стороны революция внутри данного государства имеет за собой большие преимущества: она, начинаясь чаще всего захватом власти в столицах, в дальнейшем будет нарастать, углубляясь в рабочие массы.

Это нарастание революции, внедрение ее в пролетарские массы является абсолютно необходимым условием успеха коммунистического движения. Посягательство на установившийся десятилетиями и веками буржуазный строй не может удаться, если революция не всколыхнет главных масс трудового народа. Только общее революционное потрясение, зажигающееся ярким огнем революционного духа, создает неудержимое по стремительности и мужеству наступательное движение, необходимое для разрушения старого и создания нового строя.

Авангард рабочего класса, захвативший власть, должен опереться на широкие массы. Он создает впервые вооруженную силу пролетариата и это небольшое ядро быстро обрастает революционными добровольцами, создавая мощную армию рабочего класса.

Таким образом, нормально развивающаяся революция начинает с захвата государственной власти и, постепенно углубляясь в трудовые массы, создает как формы нового строя, так и вооруженную силу для защиты и дальнейшего углубления революции.

Это создание Красной армии совершается в больших муках. Непрерывная борьба с внутренней контр-революцией, затем борьба со ставленниками внешней контр-революции не дают ей возможности спокойно доформировываться: ей

приходится понапрасну растрачивать свои молодые, несформировавшиеся силы.

Буржуазия же имеет готовую, хорошо обученную и вооруженную армию, снабженную опытным, хорошо подготовленным офицерским составом.

Посмотрим теперь на борьбу этих двух армий.

Процесс гражданской войны более всех других углубляет революцию. Классовая вражда достигает предельных размеров.

Гражданская война, хотя и разорительна и изнурительна но зато более всего ускоряет ход революции.

В случае наступательной социалистической войны, представляющей особую форму оборонительной войны по внутренним операционным линиям, возникновение революции слагается так.

Прежде всего захват государственной власти не может быть достигнут сразу. Для захвата ее надо еще разгромить и уничтожить буржуазную армию данного государства и завоевать значительную часть пространства.

Это дело, нелегкое само по себе, значительно осложняется национальным вопросом.

Ловкая контр-революционная агитация, при условии слабой революционности рабочих масс, может легко сорвать дело социалистической революции. А между тем, социалистическое наступление должно сопровождаться тем же нарастанием революционных масс, как и в случае внутренней войнки. Даже более того. Наступающая революционная армия в непрерывных боях и операциях все время уменьшается в числе и идет на убыль. Социалистическая же революция требует постоянного роста своих сил, ибо сопротивление старого мира чрезвычайно велико, а ожесточение его в борьбе прогрессивно увеличивается.

Таким образом, по самому своему смыслу, как революции извне, социалистическое наступление должно сопровождаться непрерывным и прогрессивным увеличением своих сил за счет местных революционных средств.

Это вполне понятно, вооруженная сила пролетариата всегда будет делать одно и то же дело, какой бы она национальности ни была и в каком бы она государстве ни действовала.

В обоих случаях эта революционная социалистическая война,—безразлично, с внутренней или с внешней буржуазией,—развивается и питается за счет местных революционных масс. Такое питание войны, давая обширный кругооборот революционным массам, стремительно насаждает революцию. Классовая обостренная борьба проникает во все уголки жизни государства, а раз там загорается искра революции, то оттуда стихийно потянутся средства, питающие все массовое революционное движение.

Вот этот мощный революционной кругооборот и создает условия, при которых возможно успешное завершение социалистической революции.

Революция извне и революция изнутри, оставаясь совершенно равноценными в смысле их значения для освобождения пролетариата, тем не менее различаются по отношению, проявляемому к ним малосознательными массами.

Революция изнутри, свергая свою собственную буржуазию, является национальной. Революция же извне, при недостаточной подготовленности рабочего класса данного государства, может быть легко использована буржуазией для возбуждения шовинистической самозащиты от „империалистического нашествия".

Вооруженная сила революции. Уже говорилось выше о том значении, какое для революции имеет вооруженная сила.

Одна сторона—буржуазия—владеет регулярной, хорошо обученной и снаряженной армией, командный состав которой прочно пришит к буржуазии и, подобно ей, приучается ненавидеть всеми силами души всякое пролетарское движение. У другой стороны лишь нарождается армия рабочих, которая должна формироваться из ничего, не имея ни своего командного состава, ни вооружения, ни снаряжения.

Положение рабоче-крестьянской армии настолько тяжело в период ее формирования, что если только буржуазия будет готова к отпору и будет действовать решительно и быстро, то восстание рабочих может быть легко задушено.

Зато, если буржуазия будет медлить, а рабочие с молниеносной быстротой поставят на ноги свою армию, словом, если гражданская война имеет основание затянуться, то постепенно все выгоды определенно переходят на сторону революции.

В самом деле, чем сильна буржуазная армия?

Она сильна своими размерами, своим командным составом, а также тем, что вышколена и подготовлена десятилетиями.

Зато масса, заполняющая ряды этой армии, далеко не надежна.

Она состоит из крестьян и рабочих и только палочной дисциплиной и самой подлой агитацией может быть удерживаема в повиновении. По мере затягивания войны, по мере увеличения трудности и неизбежных тягот, глаза у темной массы солдат начинают открываться и тогда буржуазная армия становится опасной для буржуазии.

При первой же неудаче она начинает рассыпаться. Соотношение сил Красной и Белой армий начинает резко изменяться в пользу Красной армии. Это происходит не только оттого, что рассыпается белогвардейская армия. Этого мало. Резко изменяет, соотношение и то, что Красная армия комплектуется за счет покинувших буржуазный лагерь рабочих и крестьян.

Это самое замечательное и наиболее характерное явление для гражданской войны!

Таким образом, при полном напряжении сил, гражданскую войну может выиграть только пролитариат, и чем длительнее будет война, тем более будет у него шансов на успех.

То же самое в полной мере касается и внешней войны между пролетарским и буржуазным государствами. Но здесь все же являются некоторые вводные условия.

Во-первых, период, в течение которого белая армия еще сохраняет свою спайку, может быть значительно длиннее, ибо необходимо прежде всего изжить национальные, а иногда и религиозные предрассудки. Во-вторых, рабочий класс может быть не всегда готов к протянутой ему руке помощи. Ему нужно еще время, чтобы оглядеться и понять, где ему надо искать спасения. Словом, социалистическое наступление не всегда окажется согласованным с революционным восстанием данного народа.

Однако, нет никаких оснований полагать, чтобы рабочие и крестьяне не поняли своих интересов в той кровавой борьбе, в которую их толкает буржуазия против пролетариев—освободителей соседнего государства.

Опять-таки выдержка и затяжка войны придут рабочему классу на помощь.

Это усиление Красной армии идет не только за счет армии буржуазии, оно идет за счет местного населения, за счет его трудовых классов.

Если только революционное разложение коснется в этот период войны буржуазного строя, то он немедленно начнет распадаться, и тогда Красная армия найдет не мало сил и средств по мере своего наступления. На объявление мобилизации наступающим рабочим классом ответят трудовые слои массовым наплывом под красные знамена.

Эта способность Красной армии разносить своим наступлением революции и бесконечно пополняться за счет революционных масс всех национальностей и народов,— дает необычайные возможности социалистической, классовой стратегии. Она с полной уверенностью может почитать себя будущей победительницей над мировым капиталом.

Таким образом, понятие о классовой стратегии никак нельзя отделять от теории революции вообще. Они совпадают.

В области теории революции вообще, классовая стратегия исследует область применения в целях революции вооруженной силы и возможности углубления революции путем вооружения рабочего класса.

Если мы посмотрим теперь на качество Красной армии, то увидим, что Красная армия будет находиться в значительно лучших условиях при революции извне, чем при революции внутренней.

Мы уже указывали выше на те трудности в образовании армии, которые встречает восставший рабочий класс. Зато рабочий класс, наступающий за пределы своего государства, должен быть уже готов к этому и потому, при правильно рассчитанной революции извне, вопрос вооруженной силы для рабочего класса обстоит значительно благополучнее.

Условия возникновения социалистической войны. Указанные выше особенности в ведении войны классовой—внешней—заставляют очень осторожно и внимательно отнестись к ней.

Прежде всего надо оценить и взвесить степень подготовленности рабочего класса и крестьянства к пришествию красных освободителей.

Этот вопрос очень трудный и на нем более чем легко сорваться.

Если этот вопрос разрешается благоприятно, то стало быть и медлить нечего, можно наступать с теми силами которые есть. Надо лишь смелыми действиями одержать первоначальный успех и тогда внутренняя революция свое дело в армии противник сделает,—развалит ее.

Если же этот вопрос обстоит не благополучно, то надо очень и очень обдумать это дело.

Как мы уже указывали выше, успех в ведении такой войны вовсе небезнадежен, наоборот, мы видели, что в конце концов упорство со стороны социалистической неизбежно приведет к длительной борьбе, а это, в свою очередь, неминуемо повлечет за собой революционное разложение буржуазного строя.

Но, обещая в конечном результате успех, длительная внешняя гражданская война потребует и громадных военных и прочих средств.

Надо учесть и победы, и поражения, надо учесть снаряжение и продовольствие, надо учесть вопрос комплектования с тылу, вопрос, в полном объеме не всегда обычный для гражданской войны. Наконец, надо учесть общие средства государства, его способность к длительной и упорной войне, не жалея сил и средств.

Зато, раз на эту войну решились, то ее надобно вести до конца, до намеченной победы.

Подготовка внешней классовой войны. Из всего сказанного ясно, что внешняя классовая война требует большой подготовки ее в отношении сил и средств.

Должно быть заранее предусмотрено время, на которое эта война может затянуться, и на это время должны быть заготовлены соответствующие средства.

Но подготовка внешней классовой войны должна вестись не только внутри социалистического государства. Она должна быть тщательно и при том, главным образом, подготовлена внутри атакуемого буржуазного государства.

Эта подготовка должна выразиться в коммунистической работе. Она должна воспитать рабочий класс в духе взаимной выручки, развивая международный пролетарский стратегический прием „движение на выстрелы“.

Эту работу приходится проводить, как общее правило.

В случае же подготовки к какой-либо определенной войне надлежит и коммунистической работе придать прикладной характер, подготовляющий рабочие массы к восприятию революции извне.

Если в сознание рабочих масс глубоко проникает мысль о поддержке извне соседнего рабочего класса, то он и сам изготовится к восстанию, и первая неудача на фронте буржуазной армии сделает эту революцию возможной.

Тогда приближающиеся революционные силы найдут источник для питания революции. Тогда наступательное шествие социалистической армии примет формы и характер разразившейся социалистической революции.

Эта работа по подготовке не должна ограничиваться мерами общего характера.

Надобно еще подготовить надежный пролетарский командный состав для будущей Красной армии.

Наступающая же сторона может подготовить даже небольшие кадры будущих красных частей.

В общем, ведение социалистической войны должно явиться продолжением революционной работы коммунистов другого государства, если сложившиеся там условия не позволяют развиться революции самостоятельно.

Задумывать насильственную социалистическую революцию невозможно. Социалистическая революция извне может быть только подачей вооруженной силы революционному рабочему классу, не могущему справиться с армией и жандармерией своей буржуазии.

Вполне понятно, что, если соседний рабочий класс и не подготовлен к встрече социалистического нашествия извне, то в наше время, когда социалистическая революция назрела всюду, он может быть легко подготовлен к этому нашествию.

Должна быть заранее установлена тесная связь с жизнью угнетенного рабочего класса.

Настроение рабочих слоев прежде всего определяет действительное соотношение между классами и партиями.

Социалистическому государству надо всегда уметь точно и верно определить настроение соседнего рабочего класса.

Коммунистический Интернационал. Эту всеохватывающую работу может провести только Коммунистический интернационал.

Только он может правильно руководить мировым революционным движением, а социалистическая война есть часть такового.

Коммунистический Интернационал сумеет согласовать революционное движение внутреннее с движением извне.

Он должен учесть те средства, как людские, так и материальные, которые наступающий рабочий класс сможет впитать в себя из освобождаемых районов. Он должен определить количество военных средств, необходимых для наступления, в зависимости от готовности к революции данного государства. Он должен предусмотреть длительность и напряженность войны. Словом, он должен руководить войной мирового пролетариата против власти мирового капитала. Это уже чисто военная работа Коммунистического Интернационала или, лучше сказать, его генерального штаба.

При условии правильного согласования и руководства всеми боевыми действиями рабочего класса на всем земном шаре, средства мировой революции удесятерятся.

Ни одна капля крови рабочего не упадет даром и каждая из них пойдет на разрушение буржуазного мира.

Согласованное напряжение сил рабочих всех стран и народов придаст, наконец, мировой революции тот неудержимый ход вперед, который опрокинет все преграды на своем пути к коммунизму.

Красная армия и милиция [1]).

Вопрос, раньше казавшийся бесспорным, а именно целесообразность защиты социалистического государства милиционной армией, теперь все более и более вызывает к себе критическое, а при внимательном рассмотрении, даже и отрицательное отношение.

В этом вопросе играет не последнюю роль его прошлое привычка считать его непогрешимым, которая испаряется довольно медленно. Очень многих эта привычка заставляет рассматривать данный вопрос не в плоскости пересмотра его основ, а в плоскости тех или иных усовершенствований несуразной системы в обстановке социалистического государства.

Но есть и такие, которые не только не хотят пересматривать этого вопроса, но, верные давно заученной идее, требуют немедленного проведения в советской России милиционной системы.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение затронутого вопроса.

Необходимо не только просмотреть применимость милиционной системы при диктатуре пролетариата, но рассмотреть самую систему милиционную и, наконец, ту систему социалистической армии, которая будет соответствовать социалистической армии и ее задачам.

Идеи защиты и нападения. В эпоху II-го Интернационала в умах социалистов царствовали идеи „защиты отечества". Вооруженные нападения, без различия чем и кого бы они ни производились, огульно отрицались.

---

1) Материалы к X-му съезду Р. К. П.

В этом положении сказалась специфическая форма борьбы II Интернационала с империализмом. Именно поэтому настоящий вопрос получил несколько однобокое толкование. Эта борьба или, лучше сказать, полуборьба с империализмом, поставленная на чисто пассивную ногу, систематически отучала рабочий класс от активной мысли, от мысли нападения пролетариата на буржуазию, от всестороннего исследования могущих, в последнем случае, произойти комбинаций.

Та комбинация, в военном отношении, которая сложилась сейчас, а именно, когда советская Россия является распространителем социалистической революции для всего мира, совершенно не исследована. А эта комбинация не подходит, конечно, ни к одной из военных комбинаций между империалистическими государствами.

Но не только в частностях этого вопроса ощущается ложность такого пассивного мышления. В своей общей части идея нападения рабочего класса на буржуазию в военном отношении неразумно ограничена. II-ой Интернационал приучил мыслить такие нападения лишь в пределах узких государственных рамок.

Конечно, жизнь, сама социалистическая революция с ее бесконечным разнообразием, не может ограничить себя какими бы то ни было рамками. Она неудержимо стремится к всемирным формам, к всемирному свержению буржуазии. Каким же путем она достигнет этой цели: путем ли вооруженных восстаний изнутри в каждом из государств или же путем вооруженных нападений социалистических государств на атакующие их буржуазные государства, или же путем комбинирования обоих этих способов,—этого предсказать нельзя, это покажет ход революции.

Одно ясно, что если где-либо возникнет социалистическая революция, то она имеет право и будет стихийно стремиться непосредственным воздействием на соседние страны расширяться до мирового масштаба. Важным средством в ее руках будет, конечно, ее вооруженная сила.

Итак, мы видим, что социалистическая революция ставит перед своей армией задачу быть способной к активным наступательным действиям, быть способной наступать как в своих, так и в чужих пределах, если она на то будет вызвана ходом событий.

Система комплектования. Структура армии в основном определяется теми политическими целями, которые ей придется достигать, и принятой системой комплектования. Это два главные признака, определяющие систему построения армии.

В период до французской революции, когда политические цели, зачастую активные, ставились правящими дворами без участия народа страны и когда армии комплектовались из наймитов, самая структура армии приняла вид постоянной регулярной армии, сравнительно небольшой по своим размерам.

Численность армии определялась теми средствами, которыми располагал двор, а постоянный характер вытекал из того, что наемные войска требовали длительной и суровой выучки, и тем, что наемные войска не легко собрать быстро.

Великая французская революция внесла коренной переворот в военное дело.

Политические цели, оставаясь по существу активными, стали близки народным массам. Но самое коренное изменение внесла система комплектования. Эта система стала национальной, обязательной и всеобщей. Она дала в руки французской революции невиданные дотоле массы войск. Она перевернула и самую стратегию, придав ей новые формы, соответствовавшие новым формам армии.

Эта система армии послужила основанием для всех европейских армий XIX и XX веков.

Немцы первые осознали теоретически новую форму армии и построили на ней свой „вооруженный народ".

Эта система непрерывно развивалась. Численность армии, содержащейся в мирное время, оставалась более или менее неизменной, зато срок обучения солдат все сокращался и таким образом в подготовку к войне вовлекались все большие и большие толщи населения. В случае войны эти запасные обученные массы призывались под знамена и таким образом, громадная часть населения, измеряемая чуть ли не десятками миллионов, выходила на войну.

Развитие системы вооруженного народа шло параллельно с развитием промышленности, техники, путей сообщения и проч.

Переброска таких колоссальных армий требовала наличия могущественной железнодорожной сети и детально разработанного плана.

Сами кадровые армии уже не представляли из себя тех закаленных и твердых войск, какими были постоянные. С уменьшением срока обучения понижалась и подготовка войск, и их боеспособность. Все это влекло за собой усиление военной техники для укрепления или, лучше сказать, замены духа войск. В последнее время техника достигла громадных успехов.

Это обстоятельство заставило все больше и больше средств значить на долю мобилизации, оставляя в кадрах лишь незначительную часть средств военной техники.

В самом деле, если мы посмотрим теперь на то значение, какое имеют автомобили, аэропланы и пр., то увидим, что эта техника, имеющая колоссальное государственное значение, не может быть оторвана постоянно от жизни и безусловно будет выбрасываться на войну лишь с объявлением мобилизации.

Также также не является уже возможным иметь в мирное время необходимое число фабрик для изготовления предметов вооружения.

На это ушла бы половина промышленности. Поэтому к оружейному делу привлекали промышленность лишь с объявлением мобилизации. То же относится и ко всем видам снаряжения армии.

Нация все больше и больше вкладывала свои силы в экономическую жизнь страны. Зато с объявлением мобилизации она вся выворачивалась на военную изнанку и с этой стороны фон-дер-Гольц дал самое удачное название этой системе: „Вооруженный народ".

В общем, с развитием численности населения, техники промышленности, военная система также развивалась. Оставаясь небольшой в мирное время, армия с объявлением мобилизации принимала грандиозные размеры. Стратегия также стала получать прикладной характер к этой системе армии. Она стала более связанной (ибо чрезвычайно зависит от железных дорог), она стала более, чем когда-либо, рассчитывать на число и технику. Подготовка войск в значительной степени заменялась подготовкой штабов, ма-

невр на полях сражений в значительной степени заменялся точным расчетом и выполнением железнодорожных перебросок.

Вообще без мощной техники, без мощной железнодорожной сети, при наличии громадных, массовых армий, активно воевать становилось невозможно.

Эти условия и ставили предел для развития численности армии в зависимости от промышленного уровня государства. По мере повышения этого уровня повышалась и допустимая численность армии.

При предельном развитии техники и промышленности можно было бы довести и армию до предельной численности, которая заменяла бы ее качество с непременной помощью сильнейшей военной техники. При наличии могущественного железнодорожного транспорта эта колоссальная армия, даже и не умея маневрировать на поле сражения все-таки могла бы выполнять сложнейшие маневры с помощью штабов и железных дорог. Эта армия, поглощая в себя в военное время чуть ли не все мужское население страны, в мирное время позволяла бы этому населению мирно трудиться. И несмотря на такую организацию, влекущую за собой слабую подготовку, эта армия, при помощи технических усовершенствований страны, все-таки могла бы выполнять активные задачи, побеждая числом и техникой.

Что же это за предел развития идеи буржуазной армии, комплектуемой на основе всеобщей национальной повинности?

Этот предел был бессознательно оформлен и назван „милиционной системой".

Произошло только одно недоразумение.

Идея милиционной армии явилась не как следствие логического военного мышления, а совершенно случайно и неожиданно свила себе гнездо в социалистическом лагере, решительно воевавшем с руководителями „вооруженного народа".

Требование милиции выдвигается уже в демократических программах 1848 года, демократическая идеология не видит классов. Для нее существует единый и неразделимый „народ", права которого узурпированы „насильниками", „государством" и т. д.

Для защиты „народных свобод“ необходима „народная армия“.

Системы „вооруженного народа“ и милиции, являющиеся логическим развитием одна другой, но осознанные во враждебных лагерях, долгое время считались полной противоположностью друг друга.

Почему милиционная система встречала со стороны руководителей кадровой армии такой жестокий отпор?

Происходило это вовсе не потому, чтобы милиционная армия пугала военных специалистов своей разнузданностью. Если так многие и думали, то лишь по своему легкомыслию.

Страшно было то, что милиционная армия мало способна к легкому маневрированию; состояние же техники ни в одном из государств до сих пор не позволяло использовать сверх-массовые милиционные армии как маневренную, активную силу, т.-е. для этого железнодорожный, автомобильный и др. транспорты были еще слишком слабы.

А офицерский корпус, всюду воспитанный на империалистических началах, конечно, не мог согласиться на милиционную армию, как на пассивное средство защиты. Такой армии ему не нужно было. Он мечтал о завоеваниях и покорениях.

Второй Интернационал, в своей борьбе с империализмом вполне естественно отстаивал милиционную систему.

Эта система сделалась традицией социалистов. Постепенно забывалась цель существования армии, о войне социалистической не думали и основной задачей для армии, как таковой, признавалась необременительность ее существования для хозяйственной жизни страны.

Таким именно образом получилось искажение этого важного вопроса. Одна сторона не учла того, что милиционная система есть самая могущественная военная система в буржуазном государстве, стоящем на предельной ступени развития капитализма. Другая сторона, стремясь ослабить империалистические аппетиты, старалась провести милиционную систему, которая, при данном состоянии промышленности, была способна лишь к обороне. В этой борьбе она потеряла представление о значении армии, как таковой, и фанатически уверовала в сродство милиционной армии и социалистического строя.

Теперь, в эпоху социалистического строительства, есть еще много верных этой старой идее лиц, лучше сказать,— старому недоразумению. Эти милицепоклонники даже не пытаются проанализировать военного вопроса для страны или класса. Они смело, без излишних рассуждений, требуют немедленного перехода к милиционной системе в советской России. Они не могут постичь того, что каждый новый социальный строй выдвигает и новую систему армии, особенно после великих революционных потрясений.

Постараемся проследить вопрос вооруженной силы в государстве с диктатурой пролетариата.

Само собой разумеется, классовая борьба, в которой победил пролетариат, не может производить комплектование армии на основе всеобщей воинской повинности. Комплектование должно производиться на основе обязательной воинской повинности для трудящихся классов. Такая система влечет за собой и другое отклонение от буржуазной системы всеобщей национальной воинской повинности. Система комплектования армии рабочим классом, составляющим основу этой армии, делает самую систему интернациональной.

Беднейшее крестьянство, принимаемое в Красную армию, не нарушает этого принципа.

Таким образом мы видим, что социалистическая революция выдвинула новую систему комплектования—классовую и интернациональную в отличие от буржуазной—всеобщей и национальной.

Мы знаем, что система комплектования определяет и систему вооруженной силы государства и даже военную доктрину.

И действительно, наша революция вверх дном перевернула все военное дело.

Мы видим, что в этой войне два воюющие класса находятся не в одинаковых условиях. Источники комплектования для пролетариата и родственных ему классов почти неизмеримы, тогда как для буржуазии они очень ограничены. Как та, так и другая сторона при наступлении имеет возможность комплектоваться родственными классами занятых территорий, но зато для Красной армии эти комплектования обильны, тогда как для буржуазии (в некулацких

местах) бедны. Правда, буржуазия мобилизует трудовые классы населения, но армия ее в этом случае быстро разваливается.

Эта самая характерная черта наших социалистических войн кладет резкую печать на самое ведение войны. Она и выражает интернациональный характер комплектования социалистической армии. Это дает Красной армии возможность почти безграничного комплектования и позволяет классовой стратегии задаваться задачами, необъятными для всех прочих стратегий.

Создание вооруженной силы. Прежде чем ответить на поставленный вопрос о структуре социалистической армии, необходимо еще осветить кое-какие стороны вооруженной силы и условий войны в различной обстановке.

Рассмотрим прежде всего условия создания милиционной системы.

Милиционная система, так же как и система кадровой империалистической армии, требует длительной и тщательной подготовки для того, чтобы быстро и безошибочно выставить необходимую армию в случае войны. Она требует идеально подготовленного военно-административного аппарата.

Требуется тщательно разработанный мобилизационный план, образцово поставленное обучение и проч. Создание милиционной армии, так же как и наиболее совершенной кадровой армии, должно производиться по территориальной системе. Территориальные округа должны быть прочно и надежно сплочены. Их аппараты должны работать без отказа.

Вся эта подготовка требует значительного времени, измеряемого не месяцами и даже не годами.

В заключение необходимо сказать, что милиционная система, так же как и система кадровой армии, требует однородного состава населения государства и, во всяком случае, не захваченного острой формой классовой борьбы.

При соблюдении всех указанных условий, после многолетней систематической работы, аппарат милиционной системы после объявления мобилизации может выставить массовую, колоссальной численности армию.

Теперь посмотрим, как создается социалистическая армия.

Прежде всего заметим, что порядок ее возникновения обратен как раз обратен порядку возникновения милиционной армии. Там сначала длительная подготовка военно-административных органов, а здесь сразу же после революции стихийно начинает формироваться действующая армия, в то время как военно-административные органы еще и не существуют и не организуются. Постепенно дело идет вперед. Армия растет и крепнет и, проникнутая классовым самосознанием и революционной жаждой победы, быстро становится регулярной и боеспособной. Военно-административные органы далеко не так быстро одерживают успехи. Состоя в громадной массе из специалистов, сочувствующих низверженному классу, они долгое время остаются нежизнеспособными и идут на поводу у полевой Красной армии.

Выше уже говорилось, что Красная армия комплектуется на классовых основах. Проведение этой системы представляет большие трудности.

Первое время Красная армия комплектуется добровольцами из трудящихся классов. Они-то, вполне сознательно идущие на защиту своих классовых интересов, и создают тот несокрушимый кадр Красной армии, который впоследствии становится способным принимать в себя и несознательные элементы, переваривать их и делать политически-грамотными.

Но даже и при этих условиях, при наличии сильных сознательных пролетарских кадров, во многих местах, обильных кулачеством, комплектование Красной армии встречает большие затруднения и не всегда бывает безопасно.

Для всех ясно, какое колоссальное значение имеет в наших войсках политическая работа и как трудно поддаются ей сырые крестьянские массы, прибывающие в части. Только наличие сильного кадра, хорошо подготовленного в политическом отношении, с усиленной работой коммунистов в частях, дает возможность быстро обрабатывать малосознательные крестьянские массы.

Совершенно непонятно, почему милиция, которая будет состоять в подавляющем числе из крестьян, сразу же после мобилизации сделается высокосознательной и пойдет на войну под коммунистическим знаменем. Совершенно ясно, что сделать такое предположение более, чем абсурдно.

Достаточно посмотреть на действия Махно на Украйне, который живет за счет украинского богатого крестьянства, который получает от него пополнения и людьми, и лошадьми, и обозом, и продовольствием, чтобы сказать ясно и определенно, что милиция в таких районах была бы создана на свою же голову.

Не плохим примером в этом отношении являются и кулацкие восстания, распространенные во многих местах. Интересно знать, как думает бороться с ними главный шеф нашей воображаемой милиции товарищ Подвойский при помощи милиционной армии и как будет он мобилизовать эту армию в подобных районах.

Задачи и деятельность войны. Задачи социалистической войны могут быть различны.

Красная армия может вести войну с внутренними контрреволюционными войсками, имея целью полное их уничтожение, может вести войну с внешней буржуазией соседних государств, если таковые намерены душить социалистическое государство, и в этом случае вряд ли война кончится до уничтожения одного из врагов.

В общем война будет продолжаться хотя бы и с перерывами до тех пор, пока или не будет уничтожено социалистическое государство, или пока социалистическая революция не распространится в мировом масштабе.

Совершенно невозможно вообразить, чтобы мир, потрясенный до своих основ мировой войной, мог бы вдруг спокойно поделиться на две части—социалистическую и капиталистическую, которые могли бы вдобавок жить в мире и согласии. Совершенно ясно, что такового времени не настанет и социалистическая война будет непрерывна до победы той или другой стороны.

Таким образом мы видим, что не будет такого времени до окончательного исхода борьбы, когда пролетарское государство могло бы распустить свою Красную армию и заняться долголетней подготовкой милиционной армии.

Правда, с распространением социалистического строя по всему миру, с установлением однородного коммунистического общества, можно было бы завести милиционную систему по всему миру. Но кому и для чего она будет нужна? Отмирание государства не позволит этой системе даже и в

м случае материализировать свой дух, несмотря ни на ... заклинания поклонников милиционной армии.

Таким образом мы видим, что для милиционной системы со стороны социалистической революции нет места от самого возникновения революции вплоть до всемирного ее распространения.

Стратегические особенности армий и ресурсы страны. Характерными чертами милиционной армии является грандиозность войсковых масс, сравнительно слабая их боеспособность и богатая снабженность всеми усовершенствованиями военной техники.

Все эти особенности находятся в тесной связи одна с другой.

Громадные массы войск, призываемые по мобилизации, не имеющие никакого постоянного кадра и не получившие в мирное время основательной длительной подготовки в строевых частях, вполне естественно будут слабо дисциплинированы и боеспособны. Особенно ярко выразится их слабость в области строевой и тактической подготовки. Эти недостатки должны быть обязательно чем-нибудь сглажены, и вот на помощь приходит военная техника. Она будет стремиться использовать всю свою силу, чтобы деморализовать противника и защищать и прикрыть свои войска. Благодаря всему этому милиционные войска больше способны обороняться, чем наступать на поле сражения.

Однако все же первое свойство милиции, а именно ее колоссальная численность, может делать большие дела на театре военных действий. Для этого только нужно обладать до предела развитой системой железнодорожного, водного и автомобильного транспортов. При этом условии даже малоподвижные и малобоеспособные войска все же могут давить своей массой, искусно сосредоточенные на каком-либо участке фронта. Но зато эту силу милиция имеет только при наличии этого транспорта и при наличии колоссального военно-технического оборудования ее войск. Если мы к этому прибавим то неисчислимое количество обмундирования, снаряжения, продовольствия, конского обоза и пр., то увидим, что такая армия может существовать только в стране с колоссально развитой промышленностью. Нелепо было бы думать, что милиционная система в мирное время

потребует малых хозяйственных затрат. Не надо забывать, что винтовки, пушки, все снаряжение и обмундирование должны быть заготовлены заранее и держаться в полной готовности и исправности.

Таким образом милиционная система представляет из себя грозную силу, но зато только в том случае, если государство, ее проводящее, является высококультурным, высокопромышленным и чрезвычайно богатым. Это богатство особенно нужно во время войны. А расходы во время войны действительно грандиозны. Стоит только подумать о миллионах винтовок, сотнях тысяч пулеметов, десятках тысяч орудий, сотнях миллионов снарядов, десятках миллиардов ружейных патронов, десятках миллионов комплектов обмундирования, о миллионах потерь в людском составе и пр. Вспомним, как грандиозна была последняя война „вооруженных народов“. А ведь „вооруженный народ“—это лишь слабый прототип милиционной системы. Может ли быть готовым на такие затраты какое бы то ни было социалистическое государство в эпоху переходного периода?

А ведь без этой давящей массы людей и предметов военной техники милиционная армия гроша ломанного не стоит.

Если мы теперь внимательно посмотрим, к чему бы привело нашу республику проведение милиционной системы, то мы увидим следующее:

Прежде всего мы не успели бы подготовить военно-административного аппарата к следующей войне. Во-вторых, в целом ряде областей, пропитанных кулачеством, мы бы сами против себя создали контр-революционные войска. В-третьих, мобилизовав миллионы бойцов, мы бы их не сумели ни одеть, ни вооружить. В-четвертых, всю эту колоссальную массу мы бы не сумели сосредоточить к границе и, например, поляки могли бы занять Москву раньше, чем милиционная армия поспела бы сосредоточиться на Волге. В-пятых без мощного железнодорожного транспорта мы бы не сумели маневрировать милиционной армией на театре военных действий и были бы свободно биты по частям значительно слабейшими силами хорошо подготовленного противника. Наконец, мы уморили бы нашу грандиозную армию на фронте как голодом, так и недостатком вооружения, огнеприпасов, снаряжения и обмундирования.

Мне пришлось слышать, как ярые проповедники милиционной системы очень уверенно считают себя сторонниками вооруженного могущества Р. С. Ф. С. Р. и даже не без гордости говорят о „коммунистическом империализме“. Что за смешная мысль! Я бы лично и не стал возражать против милиционной системы, если бы она действительно означала „коммунистический империализм“. Вся беда в том, что эта система повлечет за собой „коммунистическое пораженчество“. Провести у нас милиционную систему—это означает распять советскую республику.

И есть такие сердобольные генералы, которые, потеряв свой „тактический объединенный национальный центр“, хватаются за последнее средство—милиционную систему и пишут и пишут в защиту ее умилительные статьи.

За последнее время, когда многие партийные работники стали резко отрицательно говорить о милиционной системе, в среде сторонников последней стали часто говорить, что они де не такую милицию мыслят, какой ее мыслил II-й Интернационал, что у них милиция совсем по-новому и проч., и проч.

Такие оговорки только доказывают, что эти товарищи вообще не серьезно отнеслись к этому вопросу. Не проанализировав вопроса вооруженной силы в пролетарском государстве, они ухватились за давно слышанное, понятное—милиционная армия. Увидев же на деле, что провести в жизнь такой армии нельзя, они выдумывают какие-то новые формы армии и упорно хотят называть их милицией. Но это уж вовсе не так просто. Милиционная система, это совершенно определенное понятие и ни в коем случае не может быть отнесена к какой-либо другой системе. Играть словами смешно.

Теперь посмотрим, какие условия ставят хозяйственные рессурсы нашей республики, как и всякой другой советской республики, необходимой для нее армии в переходный период.

Говорить об этом много не приходится. Для всякого ясно, что обнищавшая страна прежде всего потребует небольшой армии, зато это последнее требование непременно выдвинет необходимость компенсировать малочисленность качеством, ибо армия нужна такая, которая бы действительно сумела отстоять существование советской республики.

Система социалистической армии. Качество армии выражается в ее высокой боеспособности и в искусстве войск маневрировать. Эти требования ставят чрезвычайно тяжелую задачу перед войсками и могут быть достигнуты только длительной и настойчивой подготовкой. Такую подготовку войскам можно дать только в постоянной армии. Следовательно, мы и устанавливаем теперь, что Красная армия по типу должна быть постоянной.

Дальше, посмотрим, как отразится система социалистического комплектования на армии и на всем военном аппарате.

Выше мы уже пришли к заключению, что эта система является классовой и интернациональной.

Это показывает, что мобилизованные аппараты государства должны быть приспособлены к учету населения по классовому составу. Вся допризывная военная подготовка также должна быть построена на этом принципе. Само собой разумеется, этот принцип проникает во все стороны и части армии, как-то: подготовка командного состава и проч.

Структура самого армейского войскового аппарата, в сущности говоря, ничего особенно нового представлять не будет. Строевые части должны содержаться в штатном составе. Некомплект можно допускать только в тыловых частях.

Глубокие тылы, поглощающие главную массу людского материала, могут быть сокращены в спокойное время до минимума. Сами же строевые части в своей общей сложности будут в значительной части находиться на попечении обще-гражданских довольствующих учреждений.

Такая армия, не ожидая длительного процесса мобилизаций, может быть быстро переброшена на любой фронт, а за это время и мобилизация сделает свое дело и создаст необходимые для армии тылы и заполнит резервы для пополнения армии.

Ко всему этому, на худший случай, на случай чрезвычайной опасности, должны быть подготовлены и намечены к формированию резервные части. Возможность формирований определяется, главным образом, запасом вооружения.

То обстоятельство, что Красная армия, построенная по приведенной системе, далеко не поглощает всего людского

запаса государства, указывает, что в целом ряде наиболее важных промышленных округов можно вовсе не производить мобилизаций для военных целей. Зато здесь будет вполне целесообразна милитаризация труда для повышения его производительности.

Сторонники милиции не преминут наброситься с бранью на подобную систему, указывая, что эта система нетерпима в государстве экономически, что она не даст возможности поставить на ноги социалистическое хозяйство.

Но такое нападение не страшно. Во-первых, никто не утверждает, что существование какой бы то ни было вооруженной системы, включая сюда и милицию, может быть полезно для хозяйства страны. Вооруженную силу, приятно или неприятно, но приходится содержать для защиты государства такую, какую требует стратегическая обстановка. Перед условием сохранения существования советского государства даже экономические нужды отступают на второй план. Во-вторых, милиционная армия, если не кормит больших масс людей в мирное время, то во всяком случае должна заготовить к войне значительно большее количество обмундирования, снаряжения и проч., чем того понадобилось бы для постоянной армии. Об вооружении и говорить нечего. Для милиции пришлось бы создавать колоссальную военную промышленность. В-третьих, не надобно забывать, что главное разорение стране приносит не армия, содержащаяся в мирное время, а война или содержание армии в военное время. Во время войны все экономические преимущества переходят на сторону постоянной армии. Во время войны каждая лишняя тысяча штыков влечет колоссальные расходы. Эти расходы, по мере увеличения армии, растут прогрессивно. Мы имеем наглядный пример потрясения и разорения всего мира от войны „вооруженных народов". Что же было бы, если бы эта война была войной милиционных армий? Крах и революция наступила бы значительно скорее. Таково значение войны с поднятыми милиционными массами. Вместе с тем мы имеем в истории примеры, когда с постоянной армией, пользуясь ее качеством и малочисленностью, даже небогатые страны могли вести длительные войны с значительно более богатыми странами, имеющими значительно превосходные численно армии. Совершенно

лено, что советская Россия, готовясь к новым войнам, которые ей неминуемо навяжут, не может принять такую систему армии, которая приведет ее к экономическому краху в случае этой войны.

Итак, мы рассмотрели тот тип армии, который соответствует государству с диктатурой пролетариата,—в частности, соответствует советской России. Теперь остается рассмотреть эту систему в применении к той интернациональной политике, которой следует социалистическая революция.

Уже говорилось выше, что эта революция создала целый переворот в стратегии.

В самом деле, наша Красная армия никогда не ведет войну единолично. Она всегда ждет и встречает поддержку рабочего класса той страны, с буржуазией которой она ведет войну.

Эта поддержка заключается не только в революционных взрывах в тылу у буржуазии, но, главным образом, в том, что Красная армия комплектуется местными элементами трудовых классов в занятых областях. Это пополнение происходит не только за счет населения, но и за счет армии буржуазии, которую рабочие и крестьянство очень охотно покидают и переходят в Красную армию.

В этом характере действий Красной армии и заключается интернациональный принцип комплектования.

На всех фронтах с различными национальностями мы наблюдали это явление. Особенно сильно оно начинает проявляться тогда, когда буржуазная армия разгромлена. Во время нашего наступления по польской территории, несмотря на то, что армия буржуазной Польши еще не была разгромлена, к нам уже начались перебежки польских солдат, а в занятой польской территории, особенно в Белостокском районе, рабочие, восторженно встречая нашу Красную армию, изъявляли полное желание вступить в ее ряды и только скорое наше отступление не дало возможности провести в жизнь эту меру.

Таким образом наша Красная армия, являясь постоянной армией в пределах нашей республики, в интернациональном масштабе является как бы кадровой.

Эту систему мировой Красной армии необходимо уловить и осознать. Да и можем ли мы мыслить наши военные

задачи лишь в пределах нашей республики? Конечно, нет, так как внутри самой республики у нас нет серьезных военных задач, а внешние задачи не так зависят от нас, как от внешнего мира, т.-е. в первую очередь от развития там революции. В этом отношении каждая задача нашей республики должна быть тесно связана с задачами мировой революции и, конечно, в первую очередь это касается системы организации нашей Красной армии, первого кадра мировой Красной армии.

Если мы учтем эту задачу, то вопрос о качестве Красной армии станет еще серьезнее. Эта армия как в строевом, тактическом, так и в политическом отношениях должна быть подготовлена образцово. Эта армия должна забыть, какая национальность преобладает в ее рядах. Она должна знать свою принадлежность к мировому революционному пролетариату и ничего больше. Куда бы ни пришла эта армия, население должно сейчас же почувствовать, что пришла Красная армия, а не русская и ни какая другая. Только такая армия сознательных революционеров, из среды трудящихся классов может служить орудием распространения мировой революции и уничтожения капитализма.

Итоги. Рассмотрев всесторонне вопрос применения милиционной системы в государстве с диктатурой пролетариата, мы увидели их полную несовместимость.

Мы видели, что милиционная система является грозным оружием в руках дошедшего до предельного развития империалистического государства. Мы видели, что эту систему могло бы осуществить и мировое коммунистическое общество. Зато мы видели, что в силу разрухи переходного периода милиционная армия является капканом для социалистического государства, ибо не может быть им использована даже для самозащиты. Мы видели, что экономические преимущества милиционной системы являются лишь воображаемыми. Мы видели, что Красная армия имеет как раз обратный порядок возникновения с милиционной армией. А так как для социалистического государства война с буржуазным миром будет иметь непрерывный характер, то тем самым возможность создания милиционной армии вплоть до отмирания государства автоматически упраздняется. Мы видели, что в целом ряде областей милиционную систему нельзя

проводить и по причинам классового состава населения. Таковы причины, которые заставляют принципиально отказаться от милиционной системы в советском государстве.

С другой стороны мы видели и основы для существования Красной армии советского государства. Мы видели, что эта армия должна быть постоянной, построенной на принципе классового и интернационального комплектования.

Мы видели, что этой армии суждено принять участие в мировом революционном движении и что сама наша Красная армия послужит основой для создания мировой Красной армии.

Как ей придется действовать, это не входит в задачу настоящей статьи. Решать этот вопрос—дело Коммунистического Интернационала.

Мне кажется, что настолько сама жизнь возражает против применения у нас милиции, настолько враждебно настроена к ней значительная масса коммунистов особенно военных работников, что не стоило бы, казалось, этого вопроса затрагивать,—он и сам вырешился бы правильно. Это верно, но все же хотелось более внимательно рассмотреть этот вопрос, раз уж он ставится на переголосование.

Инертность II-го Интернационала, подобно идее учредительного собрания, выразилась и в фетише милиционной армии. Провалилась и заглохла первая идея, проваливается и скоро заглохнет и вторая идея.

III-й Коммунистический Интернационал, активный проводник мировой социалистической революции, не может опереться на милицию, и Красная армия под его руководством примет новые формы интернациональной вооруженной силы мирового пролетариата.

Москва,
14-го января 1921 г.

Статистика в гражданской войне[1].

1. Общие положения.

Военная статистика, изучающая силы, средства и положение государств, в целях войны национальной и гражданской, не одинакова. В дальнейшем рассмотрении содержания военной статистики мы укажем подробно как на фактическое изменение характера сил, объема средств и положения государств в гражданской войне, так и на причину происхождения этих изменений в войне гражданской, в отличие от войн империалистских и проч. Вышесказанное вовсе не означает, что в гражданской войне статистика изменяет метод своего исследования. Отнюдь нет. Но изменившийся характер вооруженной борьбы, изменившиеся условия питания и ведения этой войны неминуемо выдвигают на первый план такие объекты исследования военной статистики, которые в прежних, национальных войнах или совсем не играли никакой роли, или играли самую незначительную.

Военная статистика должна дать систематизированный материал, определяющий и представляющий сумму всех слагаемых военного могущества данного государства, а для войн гражданских—того или другого класса в полном его объеме.

Какая же разница в характере военного могущества может быть в войнах национальных и гражданских?

Дело в том, что, говоря о войне гражданской, нельзя вообще употреблять слово „государство" при исследовании сил и средств.

Статистика гражданской войны может и должна существовать даже и тогда, когда социалистическая революция

---

[1]) Напечатано в сборнике 1-м „Революция и война", изд. западного фронта.

еще не разразилась, и когда государств с пролетарской диктатурой еще нет. В этот период статистические исследования для будущей гражданской войны будут, главным образом, касаться классового состава и группировки в тех или других государствах или национальностях, состояния промышленности и степени развития рабочего класса и т. п., но зато мало будут касаться военно-географической стороны дела, так как заранее почти невозможно предугадать театров гражданской войны. Военно-географическими данными придется пользоваться по военно-статистическим и военно-географическим очеркам буржуазных государств, имеющих постоянные границы, а потому заранее знающих будущие театры военных действий.

Таким образом военно-географические данные для войн гражданских или национальных остаются неизменными.

Стратегическая оценка местности, как это вытекает из изложенного выше, для театров войны национальной, или империалистской, может быть произведена еще до возникновения войны; для войны же гражданской может быть произведена лишь с момента ее возникновения, или, лучше сказать, с момента совершившейся где-либо социалистической революции.

Военно-географические (физические) данные. Прежде всего рассмотрим то, что не подлежит изменению в данных статистики, в зависимости от того, имеет ли место национальная или гражданская война.

Такими данными будут все явления природы, не зависящие от общественной жизни населения, по крайней мере не могущие быть видоизмененными ею в короткий срок. Сюда будут относиться данные в узко военно-географическом смысле. Таковы: устройство поверхности данной области, ее водная система, т.-е. моря, реки, озера и болота, почва, растительность и климат.

Совершенно ясно, что все эти данные, с точки зрения военной, не изменят своего значения, как бы ни изменился характер ведения войны.

Средства страны. Средства страны сами по себе остаются, в сущности, неизменными в своем объеме, случится ли война гражданская или национальная. Но, оставаясь по своему абсолютному объему неизменными, эти средства для целей

войны гражданской или национальной, все-таки не одинаковы, так как служат им различными своими сторонами.

Так, например, народонаселение для национальной войны имеет ценность и значение со стороны численности и группировки национальных элементов, а частично иногда бывают важны и признаки религиозные; для религиозных войн важна численность и группировка единоверцев, для гражданской войны—то же самое в отношении враждебных классов. Во всех этих случаях народонаселение по своей численности остается неизменным.

В общем, к средствам государств в военном отношении будут, главным образом, относиться: народонаселение, земледелие, животноводство, горная промышленность, обрабатывающая промышленность, торговля, финансы и проч.

Население. Статистическое исследование народонаселения для гражданской войны будет прежде всего изучать его классовую группировку, его имущественное положение, его классовое, процентное и численное соотношение, сословия и проч.

Вопрос национальный в этом случае отходит на второй план. Правда, и в гражданских войнах мы видим явления, когда некоторые классы присоединяются к той или другой воюющей нации, но это будет лишь в том случае, когда вражда классовая совпадает с враждой национальной, т.-е. когда известная нация эксплоатируется другой. Иногда даже религиозное движение может совпасть с классовым: у малокультурных народов.

Все же, как общее явление, вопрос национальный и религиозный стоит на втором плане. Прежде всего статистика должна исследовать экономическое положение населения, процентное и численное соотношение в нем классов и группировку последних. Это даст полную характеристику сил и средств государства, это даст характеристику его слабых и сильных мест и это же даст возможность противным сторонам учесть вопросы пополнения армии при продвижении по территории противника. Родственные классы, находящиеся на территории противника, в его тылу служат победителю как бы стратегическим резервом при вторжении в эту территорию и при преследовании противника.

Статистическое исследование, с определенной военной целью, имеет вполне понятные и известные формы в том случае, если средства страны исследуются в пределах известных границ, как, например, в целях войны национальной и даже гражданской, но уже после возникновения войны. Значительно труднее представляется дело в том случае, если статистическое исследование производится в целях гражданской войны, но до ее возникновения.

В самом деле, предполагаемая классовая война не может быть с точностью определена заранее как в смысле времени ее вспышки, так и в смысле постепенности ее развития относительно территории и самых размеров войны. Таким образом, если не будет принято условно отправных данных о порядке событий в предстоящей классовой войне, придется ограничиться общим изучением враждебных классов в мировом масштабе и в рамках отдельных государств и наций в смысле их средств и сил. Для государств буржуазных, т.-е. для их буржуазии, дело именно так и будет обстоять. Для рабочего класса статистическое исследование может быть применено шире. В самом деле, революционная борьба пролетариата руководится теперь III-м Коммунистическим Интернационалом. Его задача—это мировая социалистическая революция, какими бы путями она ни совершилась. Реальная сила Интернационала это организованный и при том вооруженный рабочий класс.

Готовясь к социалистической революции, III-й Интернационал будет руководствоваться известным планом, который, естественно, будет твердо и неуклонно проводить в жизнь.

Вот этот-то политический, революционный план и дает возможность военной статистике избрать определенный путь и объем своего исследования для предстоящей гражданской войны.

Но и в этом случае работа военного статистика будет очень трудна, так как многие данные придется принимать условно, и правильно оценить и определить их составит задачу военного глазомера.

Гражданская война, как бы она ни подготовлялась старательно, все же в первый свой период будет носить характер постоянных импровизаций.

В этих условиях знание статистических данных о средствах страны и составляет самую существенную часть успешного ведения войны и операций. Однако, в нынешней нашей войне мы поразительно мало обращаем внимания на эту сторону дела. В военно-географических описаниях всероссийского главного штаба вопрос о населении исследуется в самой уродливой форме. Если бы эти описания были изданы до социалистической революции, то мы сказали бы просто, что они слишком кратки. Но в том-то и дело, что эти описания составлялись во время текущей гражданской войны, специально для наших красных фронтов. Мы не будем разбирать этих трудов, так как таковые считаются секретными. Тем не менее нельзя обойти молчанием официального взгляда всероглавштаба на значение средств страны, главным образом, населения, для гражданской войны. Приведу несколько характерных мест:

1) „В отношении населения Х-й фронт по процентному содержанию находится в невыгодных условиях. Сильное преобладание *русского* [1]) элемента существует только в центре и на севере района".

2) „Высшее культурное развитие *русского* племени, по отношению заселяющих район *инородцев, уменьшает невыгодную сторону большого процентного отношения этих последних к русскому* населению на территории Х-го фронта".

3) „Но в особенно *плохом* положении по племенному составу находится Х и побережье, где, кроме разнообразия племен, следует отметить и присутствие большого количества иностранных подданных".

Чрезвычайно интересно знать, с кем же, по мнению всероглавштаба, ведем мы сейчас войну? Уж не с „бусурманами" ли, или не с инородцами ли вообще? Почему всероглавштаб предпочитает всем другим национальностям русскую? Или, может быть, русских контр-революционеров он не считает больше русскими и смело обращает их в инородцев, вместе со всеми славными их вождями: Колчаком, Деникиным и доброй половиной старого русского офицерства?

---

[1]) Всюду курсив наш.

В общем, не разберешь, чем руководствовался всероглавштаб, но от того характеристика населения для гражданской войны в его изложении не станет ни яснее, ни содержательнее.

Выше уже говорилось о том, что именно характеризует население с точки зрения гражданской войны, и потому не будем слишком много говорить по поводу ошибок всероглавштаба.

Границы государства. Обзор границ государств для прошлых войн было легко исполнить. Буржуазные государства отделялись одно от другого совершенно определенными, постоянными границами, и потому исследовать их не представлялось особых затруднений. Гражданская же война, возникающая в недрах буржуазного государства, не находит, до своего возникновения, границ между враждующими классами. Поэтому трудность в описании вновь возникнувших границ, а правильнее сказать — только что образовавшихся фронтов, притом очень легко и быстро меняющихся, весьма значительна. Рассмотрение границ непременно должно параллельно иметь внимательное изучение исторической части их возникновения и влияния на них местного населения и промышленности.

Государственное устройство. Изучение государственного устройства противной стороны в период ведения гражданской войны имеет громаднейшее значение. Очень часто гражданскую войну приходится вести двум совершенно новым государствам, с массой всяческих импровизаций. Проследить их, выяснить их работоспособность и, главное, их прочность,—это чрезвычайно важная задача статистики, правда, почти совпадающая с задачами разведки.

В гражданской войне, более чем в какой-либо другой, выступает на первый план жизнеспособность государственного аппарата. Только при наличии этого факта возможно перенести и справиться с импровизациями гражданской войны.

2. Армия и флот.

Вооруженная сила. Армия в гражданской войне обычно является одним из продуктов импровизации. Ее система, численность, количество боевых единиц и выс-

пных войсковых соединений все время изменяются, совершенствуются, формируются и переформировываются и проч. Вообще армии в гражданской войне отличаются большим разнообразием в составе. С самого возникновения армии два враждебных классовых лагеря находятся в состоянии войны, а потому все формирования и переформирования совершаются с большой военной тайной, а вследствие этого собирание сведений о противной армии затруднено. Ясно, что для того, чтобы составить схему построения армии противника со всеми ее органами снабжения, администрации и проч. потребуется не мало трудов, энергии и близкой связи с органами разведки.

3. Театры военных действий.

Границы. Уже упоминалось выше, что лишь с началом гражданской войны появляются границы между двумя враждующими классовыми диктатурами. Точно также и границы театров военных действий приходится рассматривать не как границы театров вероятных столкновений, а как границы театров уже действующих армий, т.-е., другими словами, линию фронта действующих армий. Совершенно ясно, что эта линия непрерывно изменяется и потому исследовать границы в ее вариациях приходится полевым штабам.

Между прочим, надо иметь вообще в виду, что в гражданской войне сплошь да рядом военные действия разыгрываются на таких театрах, которые никогда раньше не исследовались в военном отношении. Это обстоятельство приводит к тому, что военно-статистические сведения о театрах гражданской войны страдают зачастую большой неполнотой.

Рельеф, орошение, леса, климат, почва. Для театров гражданской и национальной войны значение рельефа, орошения, лесов, климата и почвы—одинаковы. Нужно только добавить, что обычно армии в гражданской войне страдают недостатком технических войск и средств, а потому подробное описание рек, болот и проч. приобретает еще более важное значение. Важно указать броды, берега, глубину, ширину и скорость течения реки в различные времена

года. Местные средства для переправ, наличные лодки и суда, — все это необходимо учесть, тем более, что в гражданской войне, как обычное явление, мы видим вооружение речного флота. Поэтому важно исследовать реки и в отношении действий боевого речного флота.

Население. Правильно оценить значение населения при составлении плана операции или кампании в гражданской войне имеет громадное значение. Исследуя его с точки зрения классовых взаимоотношений, можно заранее учесть при наступлении то количество мобилизованных, которое можно будет влить в свои армии, обучив его на месте. Это обстоятельство поможет наступающим армиям не ослабляться, а, наоборот, усилиться. Но для успешности проведения в жизнь этой меры необходима тщательная подготовка, а для последней необходимы точные цифры статистики. Конечно, не только в наступательных планах, но и в оборонительных и отступательных статистические данные о населении играют первостепенную роль. В остальном о статистике населения для театра войны можно сказать то же, что говорилось о населении государства.

Средства. В гражданской войне, по крайней мере в нашей, почти на всех фронтах при снабжении армий приходится рассчитывать на продовольствование их местными средствами. В связи с этим требуется тщательное и детальное изучение добывающей промышленности и сельского хозяйства.

Но в значительной степени и всеми остальными продуктами обрабатывающей промышленности наши армии пользуются на месте.

Между прочим наши полевые армии на фронте ведут обычно большие формирования. Для этих формирований широко и даже почти исключительно приходится пользоваться местными средствами.

Все это необходимо учитывать.

Пути сообщения. Для гражданской войны вообще является характерным понижение и даже падение техники. В первую очередь это отражается на железных дорогах. Постепенно разрушаются железнодорожные мастерские и депо, паровозы и проч. Починять и исправлять разрушения железнодорожных сооружений, причиненные войной, нечем. Все это по-

Область, губерния, уезд и пр.	
Пространство в квадратных верстах.	
Численность населения (общ.).	
Число сельских жителей.	
Число городских жителей.	
Число сельских населенных пунктов.	
Число городов.	
Число населенных пунктов менее чем в 50 дворов и % к общему числу селений.	
Число населенных пунктов менее чем в 100 дворов и % к общему числу селений.	
Число населенных пунктов менее чем в 200 дворов и % к общему числу селений.	
Число населенных пунктов менее чем в 300 дворов и % к общему числу селений.	
Число населенных пунктов более чем в 300 дворов и % к общему числу селений.	
Среднее число дворов на один сельский населенный пункт.	
Число лошадей, ослов и пр. на один сельский населенный пункт.	
Число подвод на один населенный пункт.	
Число квадратных верст на одно селение.	
Среднее число жителей на один сельск. населенный пункт.	

степенно ведет железнодорожный транспорт к упадку и разрухе. Самые военные действия в гражданской войне развиваются с чрезвычайной быстротой, и потому, как быстро совершается разрушение железных дорог при отступлении, так быстро должно производиться и их восстановление при наступлении, а это при указанной выше разрухе представляет чрезвычайные трудности. К этому еще нужно прибавить и затруднения в добывании и доставке топлива при указанных выше обстоятельствах. Эти особенности железнодорожного транспорта в гражданской войне требуют самого внимательного изучения и разведки состояния его у противника и у себя. При общей разрухе транспорта подвоз как топлива, так и различных материалов издалека очень затруднен, и потому местные средства и возможности их использовать должны быть изучены всесторонне.

Особенно тщательно должен изучаться вопрос о состоянии мастерских водоснабжения и топлива.

Мосты должны быть изучены все без исключения, а также и возможность их исправления местными средствами, что особенно необходимо при указанной выше неизбежной необходимости быстрого исправления их при наступлении.

Знание железнодорожного пути позволит заранее подготовиться к восстановлению разрушенных сооружений.

Как общее явление, надо отметить то, что исправление железных дорог в нашей войне по своей быстроте отстает от наступающих войск. Кроме того, сеть железных дорог у нас очень слабо развита. Эти обстоятельства требуют наличия в наших войсках мощного гужевого транспорта. Но на деле такового почти не имеется, а потому войска принуждены пользоваться для своих нужд местными обывательскими гужевыми транспортными средствами. Чтобы старший начальник при помощи этапно-транспортной части упвосо мог правильно разрешать и предусматривать организацию требуемого для операции гужевого транспорта, ему необходимо иметь самые подробные статистические цифры о данном театре военных действий, как-то: размещение населения, населенных пунктов, количество лошадей и проч.

Приводимая на стр. 86 таблица, примерно, содержит в себе все необходимые данные для расчета этапно-транспортных путей с местными обывательскими подводами (при этом

предполагается, что *местные* подводы должны и фураж иметь на *местах*).

При описании отдельных маршрутов точно также необходимо освещать их цифрами относительно данных, приведенных в таблице.

Инженерная подготовка. В гражданской войне железные дороги имеют обычно случайное относительно границ значение, так как они строились не с целью подготовить в инженерном отношении данный театр, возникающий почти всегда неожиданно.

Крепости в гражданской войне, если с таковыми приходится иметь дело, также имеют совершенно случайный характер. Это совершенно ясно, если вспомнить, как неожиданно в гражданской войне возникают границы между воюющими сторонами.

В нашей войне возникают полевые укрепленные районы стремящиеся заменить крепости в их прежней форме.

Хотя такие укрепленные районы и не достигают, по крайней мере до настоящего времени, этих задач, тем не менее они играют большую роль, как особые полевые военно-административные органы. Эти органы могут производить быстрые и продуктивные формирования и железной рукой обуздывать местные враждебные классы. В этом отношении значение укрепленных районов громадно и изучать их надлежит самым тщательным образом.

Для наших армий степень оборудованности театра в инженерном отношении, сверх железных, шоссейных и проселочных дорог и укрепленных районов, измеряется еще и степенью развития телеграфно-телефонной сети. Это происходит от бедности полевым телеграфным имуществом в сравнении с обслуживаемыми районами.

Поэтому необходимо самым тщательным образом изучать телеграфно-телефонную сеть как правительственную, так и земскую, городскую и частную. Сведения, имеющиеся на картах и схемах, отличаются крайней неполнотой.

Укрепленные районы[1].

До самой весны прошлого года у нас держались того мнения, что, как и в прошлой империалистической войне массовых армий, в нашей войне войска также нуждаются в подготовленной, на случай их отступления, тыловой укрепленной линии (полосе).

С затратою огромных средств и трудов эти линии бесконечно строились на всех фронтах. Но из этого же самого опыта увидели, наконец, что войска, отступая, никогда не обороняются на этих изрытых полосах земли, даже более того, как будто боятся этих укреплений, и, ускорив темп отступления, охотно сдают их противнику.

В чем же здесь дело?

В массовых армиях, для активной полевой войны, войска настолько бывали скучены, что, переходя к пассивной обороне на некоторых участках, мы получали громадную экономию сил, из которой и создавался маневренный резерв.

В нашей войне войска, как раз наоборот, чрезвычайно разрежены и притом до такой степени, что части войск, при обычной ширине их фронта, не в состоянии создать огневой линии. Создание этой линии не требует сплошного расположения войск, но в нашей войне это расположение настолько прерывчато, что и линия огня прерывчата и притом до такой степени, что общая длина перерывов более общей длины линии огня. Это условие делает в нашей войне оборону линии невозможной.

Конечно, это не относится к тем участкам, где плотность стрелковой линии достигла 500—1000 человек на версту.

---

[1]) Напечатано в № 1 журн. „Революционный фронт". Орган реввоенсовета юго-западного фронта.

До весны прошлого года наше высшее командование этого не сознавало и если, наконец, и сократило постройки таких линий, то не в силу теоретических соображений, а просто в силу того, что войска систематически не желали оборонять этих линий.

К этому же времени относится и воплощение в жизнь идеи укрепленного района.

Эти укрепленные районы создавались на главнейших направлениях. Это были как бы крепости, примененные к условиям нашей войны. Они должны были иметь свои гарнизоны, свою артиллерию, свое снабжение. Полевая армия не должна была в них заходить, а если какие-либо части ее и попадали на территорию украйона, то они переходили в подчинение коменданта этого украйона.

Идея украйонов действительно—большая идея в нашей войне.

Но официальное толкование и применение она получила неправильное. При постройке украйонов общая длина линии их обороны совершенно не сообразовалась с предназначенным для украйона гарнизоном. Опять стали строить линии в десять раз длиннее, чем фактически мог оборонять гарнизон.

Очень часто случалось, что существование гарнизона обозначалось только на бумаге, а в действительности его не бывало.

Местные средства для создания гарнизона в украйонах редко принимались в расчет.

Рассмотрим, каким образом создаются эти гарнизоны.

В больших центрах производства, где мы имеем возможность привлечь к защите укрепленного района рабочих, дело создания гарнизона упрощается. В минуту опасности украйон всегда найдет защитников. В этом отношении значение больших центров для украйонов и крепостей не одинаково.

Если такого центра на территории украйона не имеется, то гарнизон придется собирать со всей этой территории, особенно если на ней живут родственные классовые элементы. Если же эта группировка населения неблагоприятна, придется его составлять из формирований других мест. В этом случае по украйонам могут быть поделены заранее

по плану тыловые формирования военных комиссариатов. Эти формирования могут быть взяты лишь при обозначившейся опасности для соответствующего украйона.

Если мы не будем слишком самообольщаться идеей украйона, как идеей крепости в условиях нашей войны, а примем во внимание малочисленность живой силы, обычную для нашей войны, то увидим, что украйоны на месте ровном, без естественных, трудно преодолимых препятствий, не смогут выполнить свою задачу.

Оборона украйонов обычно бывает осуществима летом, там, где есть непроходимые болота, озера, реки и горы, при чем оборонять приходится лишь небольшие дефиле, а зимой только там, где есть непроходимые горы. В этих случаях может быть осуществлена и кольцевая оборона.

Но даже и в этих случаях дело создания гарнизонов встречает большие затруднения. Этот вопрос в каждом отдельном случае надо много раз продумать и передумать, а у нас, как раз наоборот, этого вопроса почти не касаются. Поэтому-то украйоны так часто и не оправдывают возлагаемых на них надежд, так как гарнизоны оказываются не в соответствии с общей линией обороны украйона.

Ввиду приведенных выше затруднений, встречаемых при создании украйонов, как крепостей, постепенное значение и задачи украйонов изменились.

С одной стороны, они продолжают носить боевой характер, а, с другой стороны, они особенно усиливаются, как органы военно-административные, способные быстрым темпом формировать боевые части из местных средств и умеющие обуздывать враждебное местное население.

Таким путем, кроме речных и горных укрепленных районов, способных сопротивляться полевой армии, выросли степные украйоны.

Степные украйоны имеют у нас наибольшее значение.

В борьбе со степными народностями, обычно выставляющими кавалерию, обороняющемуся нет надобности иметь сплошную линию огня. Обычно бывает достаточно создать несколько разбросанных замкнутых блокгаузов и иметь постоянно наготове сильный отряд (желательно из трех родов войск), как бы маневренный резерв.

При этих условиях партизанские, хотя бы и крупные действия противника чрезвычайно затруднены, и быстрыми ударами отряда-резерва эти действия скоро ликвидируются.

Великолепные результаты приносили степные украйоны, построенные по следующей системе. В центре строились основные укрепления, главным образом, против кавалерии. Верст на 60 вперед на главные направления выносилась линия редких блокгаузов для небольших частей (взводов, рот).

Верст на 50—75 от этой линии выносились районы действий партизанских отрядов. Эти отряды очень легко выкачать из населения. На них почти совсем не приходится тратиться и кроме того они отличаются способностью очень быстро вспухать до больших размеров в минуты опасности. Они являются самой передовою линией сторожевого охранения. На восточном фронте эти партизанские отряды зачастую играли решающую роль в обороне укрепленных районов. Приведенные выше цифры, конечно, не являются обязательными и колеблются в зависимости от обширности украйонов. Для связи с передовыми блокгаузами на главных направлениях строят тяжелые телеграфные линии, а на остальных устанавливают летучую почту. Блокгаузы держат непосредственно связь с партизанскими отрядами.

Построенные по этой системе украйоны могут с полным успехом вести борьбу со степными враждебными элементами.

Средства к этой борьбе украйоны систематически увеличивают путем местных степных формирований. Это значение украйонов, как органов местных формирований, чрезвычайно важно. Будучи единицей боевой, а не тыловой, они формируют продуктивно, быстро, не поддаваясь бюрократизму военных комиссариатов. Благодаря этим формированиям мы не тратим живой силы на обеспечение тылов, ограничиваясь одной затратой вооружения и обмундирования..

Кроме задач по обороне и формированию, на украйоны ложится еще задача обуздания местной буржуазии и кулачества. В этом отношении они могут сыграть роль военно-монашеских орденов и при случае могут поголовно истребить несдающийся враждебный элемент.

Из всего вышесказанного ясно, что украйоны—это лучшее средство для обеспечения наших тылов и крайних флангов.

При посредстве украйонов, в состав которых входят обычно и председатели местных ревкомов, легче всего утвердить в местах с преобладающими враждебно-классовыми элементами диктатуру пролетариата. Только пользуясь этими жизненными военно-административными органами, мы можем удерживать за собой такие необъятные пространства, как, например, Сибирь, не затратив на это дело ни одного полка из полевых армий.

Все наступление наших армий в Сибири вдоль железнодорожных магистралей непрерывно обеспечивалось с флангов укрепленными районами. На правом фланге восточного фронта степные украйоны не только обеспечивали этот фланг, но даже распространяли на юг в степи наши завоевания.

Эти как бы кочующие укрепленные районы, использовав обостренность классовых отношений в степях, легко дают в них победу беднейшему крестьянству и вооружают его в своих формированиях.

Сформировать управление украйона нетрудно. В крайнем случае каждый военный комиссариат легко превратить в украйон. Зато во вновь завоеванных местах украйоны, окончив свои задачи, могут пойти на создание местных военных комиссариатов.

В настоящем беглом наброске об украйонах я хотел подчеркнуть то чрезвычайно важное значение, которое они имеют в нашей войне, ту связь, которую они имеют с нашей способностью с малыми силами завоевывать и удерживать за собой громадные пространства, а также указать на то, что официально они имеют не то значение, которое они имеют на деле.

Курск,
5 января 1920 года.

Марш-маневр и организация транспорта в гражданской войне [1].

I. Марш-маневр. Организация марша-маневра в нашей войне и в войне массовых армий совершенно различна. В массовых армиях главную трудность заключали в себе длина колонны, в теперешней же гражданской войне главное затруднение заключается в ширине фронта частей.

В техническом отношении ширина фронта наших частей не произвольна, она зависит, за отсутствием войскового транспорта, от местных перевозочных средств—обывательских подвод. Чем больше надобно подвод, тем шире требуется полоса для движения данной части. Наши красные боевые единицы даже вдали от противника идут всегда широким фронтом.

Первое время гражданской войны войска действовали исключительно вдоль жел. дорог, живя и передвигаясь в эшелонах, так как, не имея ни обозов, ни полевых средств связи, они не решались отойти от жел. дороги далее нескольких верст.

Но постепенно техника связи поднялась, а сами войска научились пользоваться местными обывательскими подводами. Это последнее обстоятельство позволило войскам почти совсем не зависеть от жел. дороги. Благодаря же достигнутой свободе маневрирования, охват и обход стали доминировать над всеми прочими формами боя. Это обстоятельство, в связи с общей малочисленностью войск, повело также к растяжке по фронту боевых порядков частей.

Какова же тактическая плотность частей в нашей войне? Эта плотность сильно колеблется.

---

[1]) Напечатано в 1-м сборнике „Гражданская война", изд. 5-й армии.

Чаще всего на полк по фронту приходится около 5 верст. Зачастую полк занимает участки до 10-ти верст и очень редко его фронт уменьшается до 3-х верст.

Таким образом фронт бригады редко бывает менее 10 верст, обычно же он будет равен, примерно, 15—20 верстам, а часто достигает и 30 верст.

Фронт дивизии чаще всего равен 45—60 верстам и часто, даже при наступлении, растягивается на 90—100 верст. За малочисленностью войск редко удается достигнуть большой тактической плотности.

Фронты армий колеблются от 150 до 350 верст.

Естественно, что при таких условиях число дорог, приходящихся на каждую дивизию, громадно. Не только полки, но и батальоны почти всегда имеют каждый свою дорогу.

В нашу войну нормальная глубина походной колонны — это глубина колонны полка. Бригада, идущая в одной колонне, встречается реже.

Таким образом построение дивизии для походного движения является в то же время развернутым порядком.

Дивизия в походном порядке имеет ничтожную глубину, но зато громадную ширину, при чем число отдельных колонн может равняться девяти.

Такое явление есть неминуемое последствие приведенных в начале причин. Если бы начдив вздумал вести дивизию в одной колонне, то на одно развертывание ему пришлось бы употребить около двух суток, принимая во внимание фронт в 45—60 верст.

Таким образом тактическая плотность, требуемая для нашего боя, предрешает и форму походного движения.

Особенно очевидна невозможность движения в больших колоннах на примере отступления. Если дивизия начнет свертываться в одну, две и даже три колонны, то ясно, что на это уйдет времени больше, чем его надобно противнику для окружения и уничтожения этих колонн.

Обрисованный характер походного движения до крайности затрудняет управление и связь на походе. Главные причины этому: сильная разбросанность и многочисленность колонн, а также и приобретаемая небольшими колоннами громадная скорость движения.

Связь поддерживается конными ординарцами, самокатчиками, мотоциклистами.

Как же при таких условиях отражается на скорости марша движение больших или малых единиц полка, дивизии и пр.?

Как известно, на скорость марша основным образом влияет длина колонны или величина части, идущей по одной дороге. В данном случае она одинакова для единиц всех величин, так как по одной дороге обычно идет только полк и не более бригады. Несколько на порядок движения, конечно, влияет и ширина фронта движения, так как затруднения по связи естественно не могут не отозваться на быстроте марша.

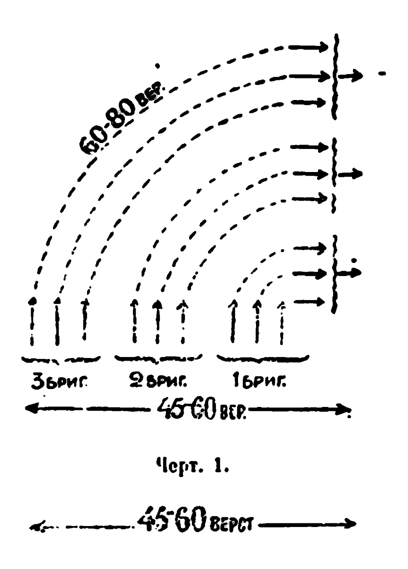
Как известно, главное свойство небольших колонн—это их способность к крайне быстрым передвижениям. Из предыдущего ясно, что наши армии гражданской войны, в отличие от массовых армий, могут двигаться с предельной быстротой почти независимо от величины части или соединения.

Вполне понятно, что такой порядок походного движения в значительной мере умаляет значение авангарда передового и зато усиливает значение боковых авангардов.

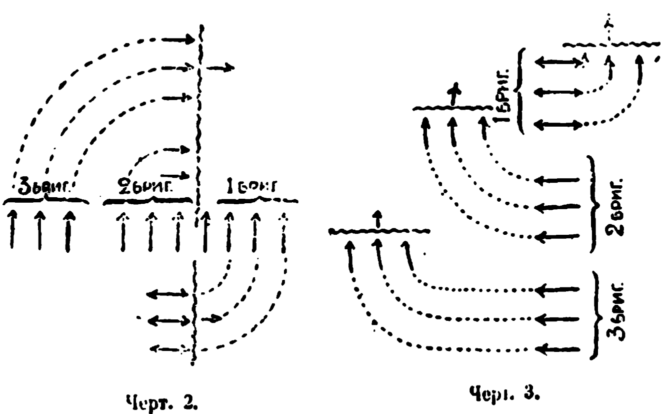
К этому положению можно еще прибавить нижеследующее: количество обывательских подвод при широком фронте движения части значительно превышает число, необходимое для восполнения недостатка обозов и транспортов, а потому остается еще очень большое число подвод, которые можно использовать для перевозки пехоты.

Если население густо и противник не угнал всех подвод, то часто бывает возможно посадить всю пехоту, и тогда скорость движения может быть громадна. Но если даже подвод и нехватит на всех, то полки, сажая на них пехотинцев по-сменно, сберегают тем их силы, что чрезвычайно увеличивает скорость движения. Этим и объясняется то, что наши дивизии зачастую делают по 60 верст в сутки.

Сам по себе этот факт неоспорим, но при расчете марша-маневра к этому надо очень осторожно относиться, так как бывают случаи, что противник угоняет почти все подводы и тогда их с трудом хватает на замену обозов.

Черт. 1.

Черт. 2.

За ось вращения для дивизии принимается правый фланг 2-й бригады.

Черт. 3.

По характеру нашей войны маневр всегда играет решающую роль. Исключительная быстрота движения, которой обладают порядки наших частей, как нельзя больше содействует успеху и легкости маневра. Зато с другой стороны ширина фронта частей очень вредно отражается на быстроте маневра.

Рассмотрим бегло вопрос перемены направления фронта.

Фронт дивизии, как это уже упоминалось, бывает обыкновенно от 45 до 60 верст. Если дивизия будет поворачивать свой фронт на 90°, приняв за ось вращения один из флангов, то другой ее фланг должен описать дугу от 60 до 80 верст. Следовательно, учитывая даже скорость марша наших частей, все-таки на перемену направления дивизией уйдут в лучшем случае сутки, а нормально, но все же с форсировкой движения,—двое суток. (См. черт. № 1).

Можно несколько ускорить это захождение, произведя захождение, как указано на чертеже № 2. (См. черт. № 2.)

Если не потребуется выводить бригады на одну линию, а их можно вести в новом направлении уступами, то расстояния, требуемые для захождения, сокращаются во много раз. Если считать фронт бригады от 15 до 20 верст, то, как видно из чертежа № 3, частям 1-й и 2-й бригад придется сделать от 0 до 15—20 верст, а частям 3-й бригады придется сделать от 15—20 верст до 30—40 верст. (См. черт. № 3).

Я не стану дольше на этом задерживаться и исследовать всевозможные способы перемены направления дивизией.

Вполне понятно, какие затруднения представляет перемена фронта армии и сколько на это потребуется времени.

Зато есть и благоприятные стороны наших походных порядков, а именно: вопрос перекрещивания колонн не представляет у нас тех затруднений, которые они представляли в массовых армиях благодаря тому, что колонны очень коротки.

Далее я буду говорить об организации транспорта,—живого транспорта этапной дороги. Длина этих дорог может быть очень велика, но, несмотря на это, перекрещивание таких дорог вряд ли отразится вредно на деле, так

как по этой дороге, хотя и двигается, в общем, очень много повозок, но зато эти повозочные колонны идут на больших дистанциях друг от друга, и кроме того каждая из них очень небольшой длины.

II. Организация транспорта[1]) Вследствие крайней редкости боевых порядков нашей армии, за редкими исключениями, на всех фронтах войска могут продовольствоваться местными средствами. Эта же редкая тактическая плотность имеет и другое следствие в смысле снабжения, а именно: бой не носит столь напряженного характера, как это было в боях массовых армий, а это в свою очередь значительно уменьшает расход огнеприпасов.

Наконец, и сравнительная малочисленность наших частей также облегчает вопрос довольствия.

Посмотрим цифры, изображающие в пудах те виды снабжения, которых войска не могут достать на местах:

В среднем на одну дивизию (15.500 человек) за месяц боевой работы (по данным снабжения).

Вид снабжения.	Количество пудов в месяц.	При перевозке на обыкн. подвод. требуется подвод в мес.	Ежедневно должно прибывать в дивизию подвод.
Артснабжение . .	6 560	65,6	22
Инженснабжение . .	530	53,0	2
Вещевое довольств. (включая сапоги).	2.488	248,8	9
Колониальн. товары. (чай, сахар, махор., жиры, соль, мыло).	3.408	340,8	12
Итого	12.976	1.298,0	45
Сапоги (отдельно) .	250	25	1

Как видно из приводимой таблицы, потребляемые дивизиями грузы не слишком велики.

[1]) Приведенная здесь система организации транспорта применима лишь в местах, богатых конскими средствами и притом при действии не слишком большими силами. *М. Т.*

Однако, несмотря на все это, дело своевременного снабжения у нас очень плохо налажено, особенно, если дивизии далеко отходят от головного пункта жел. дороги.

Гражданские армии всегда страдали отсутствием обозов, а обозы при этом должны быть очень велики ввиду того, что наша война очень подвижна, жел.-дорожн. мосты не поспевают восстанавливать за наступающими, а у нас на фронте, например, благодаря редкости жел. дорог, частям приходится очень часто далеко отходить в сторону от жел. дороги. Словом, у нас отдаление дивизии от головного пункта на 200 верст — явление обыкновенное, а часто дивизии отходят и дальше.

При указанной выше потребности подвоза в дивизию и при отходе дивизии от головного пункта жел. дороги на 200 верст, обоз потребуется более 1000 повозок.

Наши армии пока еще не могут иметь таких средств, и потому приходится изыскивать другие способы транспорта.

Пока что единственный способ—это эксплоатация живого транспорта—обывательских подвод.

Если для примера взять восточный фронт, то в районе между Волгой и Уралом, если очертить круг радиусом в 10 верст, то в среднем получается, что жители этого круга, соблюдая очередь, могут выставлять ежедневно 150—200 подвод. Если даже из осторожности и уменьшить это число вдвое, то получится 100 подвод ежедневно.

Такое же число подвод, я думаю, обеспечено на фронтах, где не пустыни и не леса.

При таком количестве местного транспорта хорошо организованная этапно-транспортная часть может создать мощный транспорт, более чем достаточный для питания наших дивизий.

Каждый комендант этапа должен взять в своем районе на учет весь обывательский транспорт и разделить его на очереди (обычно три).

Очередной обоз (взвод) должен быть всегда наготове выстроен в порядке, но при том так, чтобы его порядок позволял подъезжать к нему обозу соседнего этапа и тем облегчить и ускорить перегрузку.

Пять таких этапов объединяет начальник участка. Для экономии обывательских сил не непременно надо собирать

весь обывательский взвод в одну деревню. Начальник участка может так рассчитать передачу грузов, чтобы она на участке одного этапа совершалась бы, например, в двух пунктах, но при этом каждое такое отделение взвода должно делать не более одного перехода; следовательно, если в одном этапе перегрузка идет в двух пунктах, то и в сосед[нем] участке перегрузка должна быть также в двух пунктах, расположенных подобно соседним.

Очень важно создать при этапах весь командный аппарат взвода обывательского транспорта. Командир взвода ведет свой взвод до соседнего этапа и после ведет его обратно к своему этапу.

Вообще эксплоатация обывательского транспорта должна вестись по железной системе, и комендант этапа должен быть железным начальником в своем районе.

При движении вперед транспорт будет служить делу снабжения, возвращаясь назад—делу эвакуации.

Из предыдущего ясно, что если дневная потребность подвоза в дивизию удовлетворяется 45 подводами, то, следовательно, если этапная линия обслуживает одну дивизию—каждый этап должен ежедневно выставлять 45—50 подвод; если же линия обслуживает две дивизии, то этап выставляет ежедневно 90—100 подвод и т. д.

Если дивизия совершает какое-нибудь глубокое обходное движение и при этом встречаются затруднения в количестве обывательского транспорта, то можно сократить снабжение до минимума, подвозя лишь артснабжение, инжснабжение и сапоги, а в этом случае дневная потребность дивизии 25 подвод.

Если местные обстоятельства таковы, что обывательского транспорта нехватает на покрытие наших расчетов, то и в этом случае идея живого транспорта не отпадает.

Надо лишь увеличить число этапных линий путем увеличения этапно-транспортной части.

Наконец, в тех частях армий, где есть повозки, но дело стоит за отсутствием лошадей, там можно пользоваться при помощи этапной линии не всем обывательским транспортом, а лишь обывательскими лошадьми.

Правда, организация этапных линий для эксплоатации местного транспорта несколько нарушает полевые работы

крестьян, но, во-первых, это необходимо для войны, а во-вторых, как показывает практика, если не организовать таких линий, отдельные части стихийно и неорганизованно используют этот транспорт, а это наносит значительно больший ущерб сельскому хозяйству, так как части обычно удерживают при себе подводчиков неделями.

Посмотрим, насколько приходится дивизиям в нашей войне отходить от головного пункта жел. дороги.

Во многих прошедших операциях востфронта или ввиду неисправности жел. дороги, или ввиду необходимости, по стратегическим соображениям, наступать в полосе, лишенной жел. дор., дивизиям часто приходилось отходить от головного пункта жел. дор. на 200 и 300 верст.

Как уже говорилось, создать транспорт, постоянный для обслуживания таких дистанций, невозможно в короткий срок, и наши армии на долгое время обречены на безобозие.

Но незначительность снабжения и наличность обывательского и живого транспорта пока что развязывают нам руки.

Это обстоятельство даже выгодно для нас.

Мы можем высказать такое положение.

Живой транспорт не ограничен по длине, а, следовательно, дивизии в нашей войне не зависят от железных дорог.

Рассмотрим организацию транспорта при той схеме тылов, когда промежуточный армейский магазин находится в головном пункте желези. дороги и пополнение передовых магазинов производится по этапным линиям.

Положим, что в состав армии входят четыре дивизии. Ввиду громадности фронта, армии—действительность это подтверждает—в большинстве случаев приходится иметь два передовых магазина, при этом удаление каждого из них от промежуточного зачастую равно двумстам верстам. Следовательно, необходимо иметь возможность оборудовать армейскими средствами 400 верст этапной линии. На сто верст надо иметь участок из пяти этапов. Следовательно, армейское командование должно иметь в своем непосредственном распоряжении четыре участка, т. е. 20 этапов.

Мы уже говорили раньше, что в среднем каждый этап ежедневно может представлять около 100 подвод. На диви-

ню ежедневно требуется 45 подвод, следовательно, одна этапная линия может вполне обслужить передовой магазин, рассчитанный на довольствие двух дивизий.

Но и в дивизиях, точно так же, как и в армиях, нет транспорта. Поэтому живой транспорт должен еще передавать грузы из передового магазина в дивизионные снабжения.

Фронт дивизии обычно бывает около 50 верст.

Если принять удаление передового армейского магазина от линии фронта равным фронту двух дивизий, то мы увидим, что передовой магазин должен иметь две дороги до дивизий и каждый из них должен обслуживать участок этапной линии. На четыре дивизии потребуется четыре участка или 20 этапов.

Следовательно, общим числом в армии должно быть 8 этапных участков или 40 этапов. Вот цифры правильно организованной этапно-транспортной части в нашей войне для одной армии.

Живой транспорт ввиду того, что местные подводчики работают по очереди и лошади меньше утомляются, может действовать значительно быстрее постоянного.

Самый лучший живой транспорт бывает зимой, когда никаких полевых работ, крестьяне свободны и санный путь дает возможность быстро двигаться.

Мы рассматривали работу живого транспорта, когда наиболее тяжелые виды продовольствия войска находят на местах. Но, как мы видим, даже и у нас встречаются на некоторых фронтах места, где царит почти голод. Вполне естественно, в этих случаях придется подвозить с тыла многое сверх того, на что мы рассчитывали выше.

Если, например, на дивизию придется подвозить муку, крупу и мясо, то ежедневно в дивизию должно поступать сверх приводимого раньше еще девяносто слишком подвод.

В таком случае на каждую дивизию обычно потребуется отдельная этапная дорога.

Если подвозить с тыла еще и фураж, то, даже принимая во внимание то, что наши дивизии бедны лошадьми, все-таки по средним цифрам потребуется ежедневное прибытие в дивизию более полутораста подвод с одним фуражом.

и обстоятельства, конечно, трудно преодолеть и, вероятно, более всего придется рассчитывать на местные средства.

Живой транспорт, раз он существует на месте, то, естественно, должен найти на себя и местный фураж.

Бывают места, что на некоторых участках невозможно найти достаточного количества живого транспорта.

Например, на участках горных дефиле и проч.

Вот в этих-то местах и должен бы сослужить службу имеющийся, хотя бы и не большой, войсковой транспорт.

При этом не надо, чтобы непременно войсковой транспорт обслуживал целый участок. Бывает, например, что местами есть обывательский транспорт, местами нет его. В этом случае тому этапу, в районе которого нет обывательских подвод, можно придать один—два взвода войскового транспорта.

Если заранее подготовляется определенная операция, и при этом на обывательский транспорт на пути движения рассчитывать нельзя, то можно создать организованно из живого транспорта, даже отдаленных местностей, как бы настоящий, постоянный войсковой транспорт и вести его за своими войсками на время операции.

Это объединение и организацию должна произвести та же этапно-транспортная часть армии.

На этом я закончу краткое рассмотрение возможностей организации транспорта в гражданской войне, в особенности в богатых продовольствием местностях.

Обходы и концентрические движения.

1) Маневр—единственное средство обеспечить победу. Для маневрирования нужны вполне боеспособные войска с хорошими начальниками. В настоящее время наша армия вполне удовлетворяет этим условиям и поэтому маневр должен быть основой всякой операции и боя.

2) Основные условия успешного маневра—это быстрота движения, точная выдержка направления и достижение вовремя назначенных рубежей.

Самый маневр должен быть так рассчитан, чтобы он обеспечивал проведение в жизнь указанных условий, т.-е. задумывать нужно только действительно исполнимое и верное.

3) Для обеспечения исполнения движения, направление его следует давать прямо на противника, избегая всяких облических движений, особенно же фланговых.

Такие движения допустимы лишь вдали от противника и притом до занятия нами исходного положения. С момента занятия этого положения движение должно быть только прямо на противника.

Если облические, а тем более фланговые движения производятся вблизи от противника, то каждое случайное продвижение последнего вперед неминуемо нарушит план и маневр, а иногда принесет и поражение.

4) При определении исходного положения, его следует выбирать в таком удалении от противника, чтобы все наши передвижения были обеспечены и были бы закончены ранее, чем противник мог бы помешать их выполнению.

Это вовсе не означает, что исходное положение удастся занять без боев. Очень часто некоторым колоннам и передовым частям придется с боями занимать его, но колоннам,

двигающимся вдоль фронта, должна быть во всяком случае обеспечена возможность занять его без боя.

По занятии исходного положения части двигаются быстро и прямо на противника, стараясь во что бы то ни стало во-время достигать назначенных рубежей.

5) При концентрическом наступлении не следует всем частям иметь общую коммуникационную линию, а следует их иметь несколько, расходящихся эксцентрически.

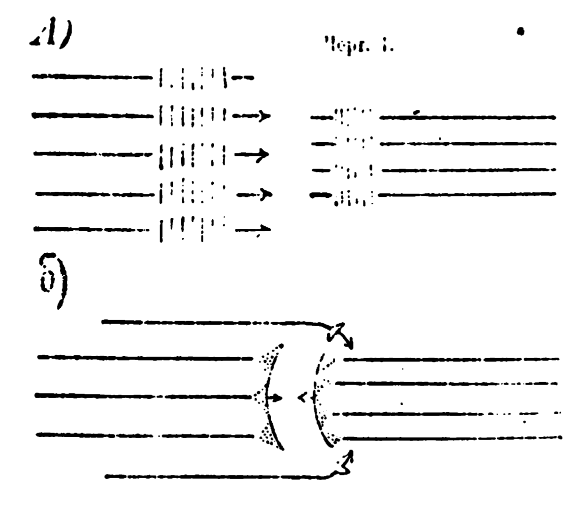
Это даст возможность легче продовольствовать части, а, главное, операцию трудно будет уязвить угрозами тылу.

При наших растянутых фронтах и малочисленных армиях продовольствие не встречает больших затруднений, но в смысле безопасности тыла такое расположение наиболее благоприятно.

Чем лучше часть приспособилась к питанию себя местными средствами, тем более она будет способна к маневрированию.

6) Окружение противника легче всего достигается концентрическим движением или прямым движением более широким фронтом, чем у противника.

Обход одного из флангов лучше всего достигается теми же средствами.

Черт. 1.

Вообще обход должен наметиться в самом занятии исходного положения и должен быть достигнут прямым движением частей вперед.

7) При движении частей более широким фронтом, чем фронт противника, части, вышедшие на уровень флангов последнего, меняют направление своего движения на фланги и тыл противника.

8) Концентрическим движением легче всего достигается обход и окружение противника. Однако. при расчете такого движения очень легко впасть в ошибку, и в этой войне ошибки эти нескончаемы.

Дело в том, что такое движение выгодно только тогда, когда постепенно сближающимся войскам обеспечено достижение линии, на которой войска будут находиться во взаимодействии.

Если с уверенностью нельзя сказать, что такое взаимодействие будет в короткий срок безусловно достигнуто, то все выгоды концентрического движения заменяются его невыгодами. А именно, обороняясь на одних участках и наступая на других, противник легко расстраивает планомерное проведение маневра в жизнь [1].

При составлении плана атаки Симбирска в основу его была положена идея концентрического движения.

Исходное положение к 9 сентября было приказано занять на фронте около 100 верст (Хвостиха, ст. Алгаши). Такая разбросанность была совершенно безопасна, так как по данным разведки значительные части противника были лишь на линии Ключищи—Юшанск. Поэтому в один переход силы армии достигали линии Белый Гремячий Ключ—Налаткино с фронтом 60 верст. На таком фронте, при характере этой войны и наличии 10 полков пехоты и 2 кавалерии, части уже должны были находиться в полном взаимодействии, почему и можно было рассчитывать на следующий день достигнуть линии Кременки - Ключищи—Лаишев, учитывая наше охватывающее положение, превосходство сил и внезапность.

[1] О концентрическом движении армий г. Шлихтинг говорит: „Для успеха при применении этой стратегической формы необходимо, чтобы частные армии находились от намеченного пункта их сосредоточения не далее, чем массы противника, которые надо разбить".

Действительность показала, что расчет был правилен.

Точно также при расчете плана операции против Сызрани, направляя Симбирскую дивизию с севера на линию Сызрань—Правая Волга, имелось полное основание рассчитывать на взаимодействие всех четырех дивизий, так как Вольская, Пензенская и Инзенская дивизии занимали линию

Черт. 2.

Федоровка—Новоспасское—Кузоватово, а с севера значительные части противника имелись лишь на линии Горюшка—Моза.

Поэтому Симбирская дивизия, быстро выйдя на линию Горюшка—Моза, достигла полного взаимодействия с Инзенской дивизией (в районе Кузоватово), а тем самым достигался опять-таки громадный перевес сил, кольцеобразный охват и внезапность.

Совсем иное дело было бы, если бы противник значительными силами занимал район Белого Гремучего Ключа. В этом случае одновременное наступление на Сызрань на фронте Федоровка—Новоспасское—Кузоватово—Белый Гремучий Ключ было бы безграмотно, так как взаимодействия между дивизиями не было бы. В этом случае следовало бы сначала покончить с Белогремячей группой противника общими силами Симбирской и Инзенской дивизий, с переброской, может быть, сил и из других дивизий.

9) Еще раз подчеркиваю, что концентрическое движение может быть успешно только тогда, когда будет правильно рассчитана возможность достижения линии, на которой части могли бы находиться во взаимодействии.

Прежде всего нужно по условиям обстановки выяснить ширину фронта частей.

В настоящей войне с чехо-словаками старые уставные протяжения фронта для боевых частей изменились коренным образом. Постоянных цифр дать невозможно, так как для одной и той же части даются самые разнообразные участки по фронту и обычно целесообразно. Практика боев в 1-й армии за последние 4 месяца показывает, что полки, численностью около 1000 человек, поддерживаемые артиллерией, успешно занимали участки от 5 до 10 верст при наступлении.

Вдали от противника фронт может, конечно, быть гораздо шире.

Следующий вопрос, который возникает, это—зависимость между шириной фронта частей и расстоянием между ними.

Такая зависимость существует, но, пожалуй, еще более, чем ширина фронта, не может быть выражена постоянным числом.

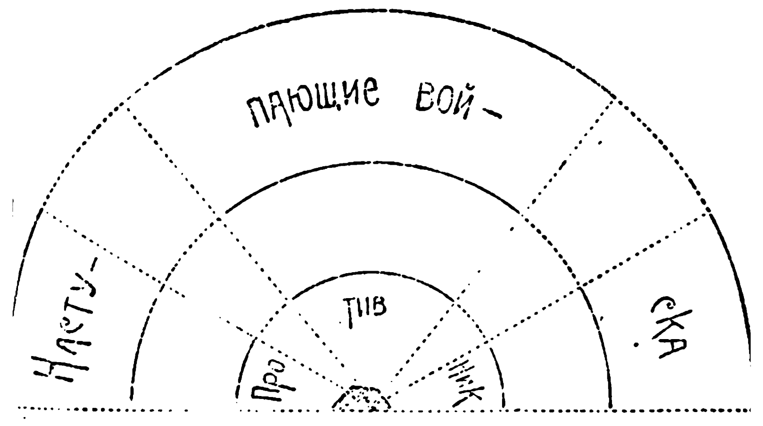

Черт. 3.

В разных обстоятельствах, и даже при разных начальниках, она будет различна и установить ее—дело военного глазомера начальника. Однако, я думаю, что из опыта можно заключить, что расстояние между частями не должно превышать протяжения их фронта, хотя, конечно, такая норма очень относительна.

Допустимое расстояние между частями точно так же, как и ширина фронта, по мере удаления от противника, увеличивается.

Схема, приведенная ниже, поясняет сказанное.

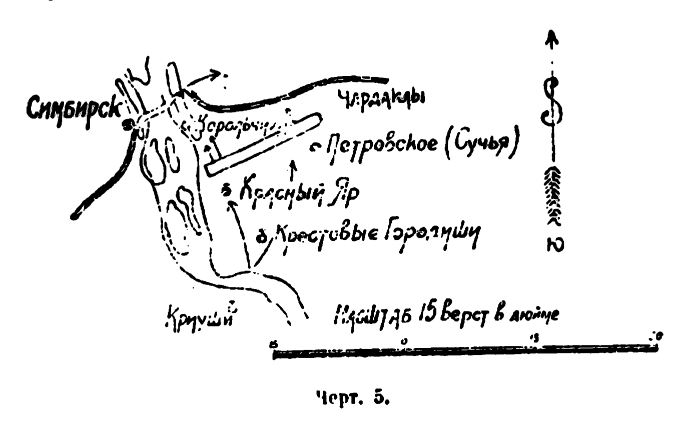
Черт. 4.

10) При концентрическом движении и значительном удалении от противника скорость наступательного движения должна быть особенно велика, дабы превзойти ею противника, так как чем ближе противник будет к точке пересечения линий нашего наступления, тем меньше будет его фронт и тем легче его будет окружить.

Если же наступление колонн будет медленно, то противник легко разгадает наш маневр и обороной или легкими эшелонами против одних и решительным наступлением против других колонн не только легко разрушит исполнение маневра, но и легко нанесет поражение.

11) Особенно важна быстрота движения для обходящих колонн. Обход только тогда поражает противника, когда он ошеломляющ, стремителен и не дает времени для принятия мер противодействия. Медленно же обходящая колонна сама идет на поражение, так как она обычно оторвана от соседей, и противник, сохранивший присутствие духа, легко ее изолирует и разобьет.

Как на пример неправильного понимания действий обходной колонны, можно указать на производство обхода X-й группой под командой Б.... левого фланга белых отд.—Крестовые Горищи на Красный Яр—Петровские Сучья... в сентябре 1918 года.

Черт. 5.

X-й группе была дана задача: совершив к рассвету 23-го сент. высадку у Крестовых Городищ, атаковать противника, занимающего левый берег Волги против Симбирска, во фланг и тыл в направлении: Петровское (Сучья)—Коровьчиха, и к вечеру того же дня достигнуть линии железной дороги.

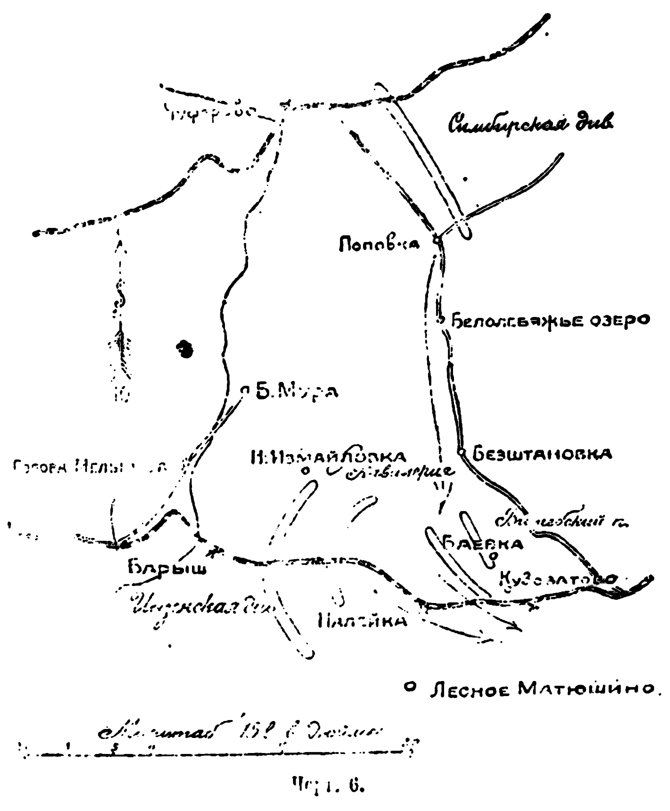
X-ая группа удачно произвела высадку, быстро заняла Петровское (Сучья) и Красный Яр, после чего командующий группой вдруг отдал приказ войскам окопаться на этой линии, послал командарму об этом донесение и запросил, что делать дальше.

Очевидно, командующий группой не только не понял смысла категорического приказания, но и вообще не постиг идеи обхода.

К счастью, войска не получили приказа окопаться и продолжали наступление. Противник бежал, и на глазах у наших частей, остановившихся в 3-х вер. от ж. д., прошло в тыл противника несколько эшелонов.

Если бы части остановились на линии Петровское (Сучья) Красный Яр, то смелый противник, прикрываясь с фронта

Волгой, сосредоточил бы против оторванной X-й группы все свои силы и, вероятно, разбил бы ее.

Черт. 6.

Если же командующий группой был бы более энергичен и сам бы толкал войска вперед, то противник был бы совсем уничтожен и оставил бы в наших руках несколько эшелонов, при чем группа рисковала бы значительно менее.

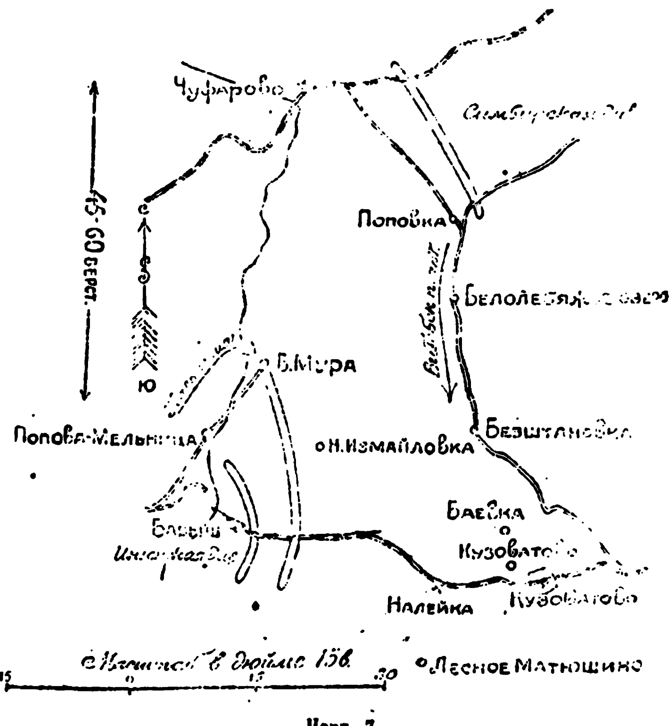
12) Если обходящая колонна рискованно удалена от общего фронта, то она непременно должна состоять из трех родов войск, чтобы быть всегда готовой самостоятельно вести бой с противником. При этом колонна должна быть такой силы, чтобы противник не мог сосредоточить против нее значительно превосходных сил.

Примером такого движения служит наступление Витеб-ского полка от с. Поповка на ст. Кузоватово в глубокий тыл противника.

В конце августа 1918 г. положение Пензенской дивизии было очень тяжелое. Противник оттеснил ее слабые силы к Барышу и загнул оба ее фланга. Его конные и пехотные части беспрерывно тревожили левый фланг дивизии в направлении д.д. Попова Мельница—Б. Мура.

По донесениям разведчиков, в районе Н. Измайловка—Б. Мура—Попова Мельница бродила конница противника, а по жел. дороге прибывали эшелоны с пехотой.

Было решено отбросить противника за Кузоватово, для чего было приказано: Пензенской дивизии перейти в наступление на всем фронте, направив кавалерию на д.д. Б. Мура—Н. Измайловка.

Черт. 7.

Витебскому же полку, Симбирской дивизии, стоявшему в районе с. Поповка, было приказано с артиллерией и кавалерийскими частями быстро двигаться на Беспгановку—Борноватово.

Операция удалась блестяще. Пензенская дивизия потеснила фланги противника, Витебский же полк вышел ему в глубокий тыл и противник, разбитый, едва ушел из кольца.

В данном случае Витебский полк был совершенно оторван от Пензенской дивизии, но рассчитывалось на то, что, во-первых, по данным разведки, подходившие подкрепления противника были не сильнее Витебского полка с артиллерией, а, во-вторых, рассчитывалось на быстроту движения, внезапность выхода в тыл и на непоколебимую доблесть Витебского полка.

Кроме того связующим звеном должна была быть кавалерия, наступающая от Б. Мура на Н. Измайловку.

13) В войне с чехо-словаками особенно бросилась в глаза разбросанность сил. Главным образом, это объясняется целями гражданской войны, но часто это происходит от желания выйти на сообщения противника, в его глубокий тыл и тем сокрушить его сопротивление. Но этим достигалась зачастую только разбросанность сил, так как, по свойствам войны и театра военных действий, противник очень часто мог смело базироваться на одни местные средства и тем не менее обладать большой силой сопротивления.

Так, например, в июне и начале июля в наших руках были: Николаевск—Пенза—Симбирск—Уфа, т.-е. противник, казалось бы, находился в тисках и был отрезан от Челябинска, однакоже он был достаточно силен, чтобы бить по частям разбросанные наши силы.

Это происходило потому, что в основу плана операции против Самары была положена идея невыполнимого, необеспеченного концентрического движения, когда все выгоды переходят на сторону противника.

Инженерное соразмерение операций[1].

При расчете операций, особенно в нынешний период социалистических войн, у нас привыкли считаться с временем и пространством постольку, поскольку эти данные определяют группировку войск при наличном состоянии путей сообщения. Точно также привыкли к расчетам времени, потребного для постройки тех или иных укреплений, исходя из типа укреплений и числа рабочих рук.

Но зато у нас совершенно не привыкли к расчету, к комбинации задуманной и проводимой операции, не только с наличной сетью исправных путей сообщения, но и с той, которую надлежит еще исправить или построить. Точно также не привыкли к расчету, к сочетанию времени, потребного на постройку тыловых укреплений с тем временем, которое, в случае неудачи, может иметься в распоряжении для окончания постройки, т.-е. не привыкли, в зависимости от характера войны и операции, выбирать степень удаления в тыл строящихся укреплений.

Наконец, совершенно не привыкли соразмерять систему и размер укреплений с теми войсками, которым придется оборонять эти укрепления.

Благодаря такому формальному и неосмысленному употреблению инженерных сил, наши армии, снабженные современной артиллерией и другим вооружением, расходуя большое количество огнеприпасов, и потому требуя наличия постоянной, по последнему слову техники, оборудованной коммуникации, ведя в высшей степени маневренную войну, зачастую бывают поставлены в безвыходное положение, оставшись без тыла и без подвоза.

[1] Напечатано во 2-м сборнике „Революция и война“, изд. Западного фронта.

Чем можно объяснить такое небрежное, несерьезное отношение к инженерному делу, т.-е. делу, решающему в широких маневренных операциях?

В царской армии инженерное дело также стояло не на высоте. Но все же в старой войне существовали хорошо известные нормы, которые хотя бы приблизительно обеспечивали основные расчеты со стороны инженерной подготовки.

В наших социалистических войнах характер действий значительно изменился ввиду того, что армии наши сравнительно очень малочисленны. Благодаря этому старые нормы больше уже не годятся, а новые еще не выработаны. Что же касается до норм инженерных, то их и не вырабатывают, так как нужды, бьющей в глаза, невнимательному человеку и незаметно. В самом деле, наши армии, благодаря разреженности их боевых порядков, во время маневренных операций, довольствуются местными средствами. Инженерное же снабжение „кое-как" подвозится. Когда же случается катастрофа, то можно поохать и поругать „нашу [illegible]цию" и на этом успокоиться.

Таким образом при современном состоянии военной техники наша Красная армия, как и все другие современные армии, в смысле своей способности к маневрированию, находится в прямой зависимости от правильной постановки и развития инженерного дела. Каждая операция, каждая кампания должна быть соразмерена в своей маневренной части с теми инженерными средствами и возможностями, которые для них предоставляются.

Вот это-то соразмерение идеи и масштаба операции с имеющимися инженерными возможностями и составит предмет исследования настоящей статьи.

Инженерное дело своею оперативною работой обеспечивает победу для других родов войск. Поэтому самая работа инженерной части определяется требованиями, предъявляемыми другими родами войск. Но инженерная работа в свою очередь предъявляет к работе других родов войск также совершенно определенные требования, без которых все ее труды окажутся бесполезными.

Сначала мы рассмотрим работу инженерного дела, считая, что требования его, предъявляемые к другим родам войск, удовлетворены.

Наступательная операция. Задача инженерного дела в наступательной операции, в условиях нашей маневренной войны разреженными фронтами, почти исключительно состоит в своевременном, не отставая от наступающих войск, исправлении разрушенных противником путей сообщения, а частью и в постройке новых, а также в постройке и восстановлении необходимой телеграфной сети.

Эта работа самая трудная и рискованная для военного инженера. В самом деле, приходится иногда на много вперед делать подсчеты и соображения не только на рабочую силу, но и на строительные материалы, что далеко не всегда можно предвидеть на территории, еще занятой противником. Наконец, не всегда можно предусмотреть степень производимых противником разрушений.

Первейшей заботой инженеров является восстановление разрушенных и постройка новых мостов.

Искусство строить мосты в войне маневренной составляет главнейший залог успеха. Мост является пробным камнем как состояния инженерного дела вообще, так и подготовки каждого сапера или инженера—в частности.

Чем быстрее строятся мосты, тем меньшее значение, как преграды, имеют реки, тем менее ограничен маневр, тем менее зависят войска от местности и естественных преград.

Время, которое мы затрачиваем на постройку мостов при форсировании нами рек, уменьшает шансы на выигрыш нами в маневре необходимого пространства и увеличивает таковые у противника. Таково значение мостов. Можно даже сказать, что чуть ли не вся вообще инженерная техника существует для одних только мостов. Остальная работа в сравнении с этой незначительна.

Говоря об инженерном деле вообще, можно формулировать его значение, как уничтожение для войск естественных преград и независимость войск от расстояний, т.-е. предоставление войскам полной свободы маневрирования.

Однако, эта свобода маневрирования может быть достигнута лишь тогда, когда по количеству инженерной работы будут рассчитаны и инженерные силы и средства.

Железные дороги. Прежде всего рассмотрим, как должен рассчитать командующий предстоящую свою операцию в отношении железных дорог.

Изложу те практические нормы, которые я вывел из прошлых операций.

Восстановление основательно разрушенных мостовых ферм требует обыкновенно очень значительного времени, особенно, если река широкая и глубокая и мост состоит из нескольких разрушенных ферм. Обычно такое восстановление требует нескольких месяцев и задачам оперативным не удовлетворяет.

Если ферма на мосту одна и упала благополучно, то чаще всего для ее поднятия на клетках или ряжах требуется не более нескольких недель. Небольшие фермы, примерно, до 30 саж., обычно восстанавливаются в несколько дней. Конечно, в каждом отдельном случае восстановление то облегчается местными условиями, то отягчается.

Постройка нового временного моста на ряжах или сваях где-либо в стороне от основного моста, с проведением к нему обводных путей, в большинстве случаев завершается значительно скорее, чем восстановление основного моста.

Так, например, восстановление моста у гор. Полоцка через р. Западную Двину длиной 105 саж. (из 3-х ферм: две крайние по 22,50 саж. и одна средней величины 65 саж.) требовало 5—6 месяцев на полное восстановление и 3 месяца на восстановление с применением деревянных конструкций, а постройка временного моста заняла 42 дня.

Мост через р. Березину у гор. Борисова длиной в 75 саж. (из трех ферм все по 25 саж.) требовал для капитального восстановления три месяца, и с заменой негодных ферм двутавровыми балками с постройкой деревянных устоев — 1½—2 месяца, а временный мост был построен в пять суток.

Таких примеров много.

Постройку временных мостов, хотя бы и на очень широких реках, но не глубоких, где допускаются постройки на ряжах, возможно довести до поразительной скорости. Необходимо лишь заранее приготовить срубы, пакеты или двутавровые балки и возможно большее число рабочих рук для земляных работ.

В подготовку операции должны быть обязательно включены меры по заготовке деревянных мостов и по сосредоточению на нужных направлениях необходимых восстановительных железнодорожных частей.

При этом необходимо рассчитывать на полное уничтожение противником мостов при отступлении.

В том случае, когда строится мост через большую судоходную реку, приходится, ввиду длительности постройки даже временного моста, прежде всего построить паромную, баржевую переправу для паровозов и вагонов. В зависимости от грузоподъемности барж число вагонов, принимаемых одновременно паромом, изменяется.

Эти паромные переправы требуют постройки обводных путей и эстокад.

Устройство паромных переправ требует очень небольшого времени. Так, постройка паромной переправы через р. Западную Двину у Полоцка, при ширине реки 100 саж. и высоте берегов в 8 саж., потребовала лишь 6 дней с дальнейшим усовершенствованием в течение 5 дней. Паромная переправа через реку Березину у Бобруйска потребовала на устройство 15 дней, а через реку Днепр у Речицы также 15 дней. Эти сроки могут быть и еще сокращены (считаю, что в среднем надобно 7—10 дней).

На восточном фронте паромная переправа у гор. Уфы через реку Белую и реку Уфу потребовала 12 дней.

Из сопоставления вышеприведенных цифр ясно, что одновременно с постройкой большого моста необходимо начать и постройку паромной переправы, так как в этом случае железнодорожное движение откроется значительно раньше.

Самую переправу вагонов и паровозов надо производить как можно осторожнее, так как очень легко случаются крушения.

Если потребуется большая провозоспособность, то надобно сразу же строить две—три паромных переправы. Комбинацию постройки мостов и баржевых переправ необходимо предвидеть и рассчитать еще до начала операции.

Зимой можно осуществить перекатку составов или вагонов по льду.

Необходимо точно также заранее учесть вопрос устройства водоснабжения на всей подлежащей восстановлению

железнодорожной сети. На первое время, до капитального восстановления водокачек, надобно заготовить хотя бы обыкновенные насосы на все необходимые пункты и подвижные баки. Этот вопрос у нас почти не учитывается при наступлении и зачастую бывают случаи, когда нельзя открыть движения из-за отсутствия водоснабжения, хотя бы во всем остальном железная дорога и была вполне исправна. Средства водоснабжения точно также надо рассчитать на полное разрушение железнодорожных водокачек.

Восстановление железнодорожной связи при наступлении у нас идет медленнее всех прочих сторон восстановления. Средств связи мало, а, главное, совершенно не учитывается перед операцией то протяжение телеграфных линий, которое придется восстановить к назначенному сроку. Эта сторона восстановления железнодорожного движения должна быть очень тщательно рассчитана.

При перешивке узкой железнодорожной колеи на широкую, как это имело место в наступлении у нас на западном фронте, встречаются иногда значительные затруднения, особенно, если железнодорожные дивизионы не снабжены достаточным гужевым транспортом.

Для производства перешивки пути прежде всего надобно тщательно рассчитать комбинацию марша железнодорожных дивизионов с производством самой работы по перешивке. Вследствие отсутствия в желдивах обоза, а также не всегда правильного расчета их походного движения, перешивка пути в нашу прошлую операцию тремя желдивами по одному пути почти не превышала скорости 10—15 верст в сутки. При правильной постановке дела такое расстояние свободно может перешить один желдив.

Наконец, начиная операцию, надо исчерпывающе рассчитать вопрос эксплоатации вновь приобретенных железных дорог как в отношении различных служб, так и в отношении подвижного состава и паровозов.

Изучив план предстоящей операции, начальник военных сообщений, обеспечивая ее восстановлением соответствующих железных дорог, должен сосредоточить на них такое число восстановительных средств, чтобы восстановление не отставало от наступающих войск. Если этих средств нехватит, то начвосо должен рассчитать фактическую скорость вос-

становления, и тогда недостаток скорости восстановления железных дорог он имеет возместить соответствующей грузоподъемностью и кругооборота автомобильного и гужевого транспорта. Если же такового не найдется, то придется или ограничить число восстанавливаемых железнодорожных линий, или же командование принуждено будет *ограничить замысел своей операции.*

Работа коммуникации, комбинированная из железнодорожного и авто-гужевого движения, требует, сверх восстановления железных дорог, и своевременного восстановления грунтовых дорог.

Кроме восстановления железных дорог иногда приходится производить постройку и новых как широкой колеи, так и декавилек.

Грунтовые дороги. На грунтовых дорогах главные затруднения в постройке мостов встречаются при наступлении, когда мост приходится строить в боевой обстановке, т.-е. при форсировании рек. Здесь дорог каждый час, и потому точность и быстрота постройки, своевременность подвоза строительных материалов играет решающую роль.

Колоссальное значение имеют понтонные батальоны, но у нас они в плохом состоянии, их мало и кроме того ими не умеют пользоваться. Необходимо создавать хотя бы облегченного типа понтоны.

При устройстве военных дорог в тылу у наступающих войск постройка мостов обычно не является столь трудным делом, так как время на таковое обычно имеется более или менее значительное.

Военные дороги должны обеспечивать правильность и непрерывность питания войск и эвакуации, а также полную свободу маневрирования частей как вдоль фронта, так и в глубину.

Эти условия требуют, чтобы сеть военных дорог была надежно оборудована телеграфными и телефонными проводами. Только при таких условиях возможна правильная этапная и административно-хозяйственная служба.

Постройка военной дороги требует обязательной постройки вдоль нее таелегрфной линии. В связи с этим строительные

частям, производящим восстановление или постройку военных дорог, необходимо придавать и телеграфно-строительные единицы.

На всю сеть военных дорог необходимо заранее рассчитать средства для ее эксплоатации, т.-е. этапно-транспортные и телеграфно-эксплоатационные.

Телеграфная сеть. Выше уже говорилось о значении *этапной* телеграфной сети. Кроме этапной сети надобно еще (притом в первую очередь) создать *оперативную* или *полевую* телеграфную сеть.

Эти два вида телеграфной связи зачастую не будут совпадать и их следует строго различать, чего у нас на самом деле не делается.

С оперативной телеграфной сетью будет совпадать полевая, административная и снабженческая, так как оперативные и административно-снабженческие сношения производятся между одними и теми же штабами. Следует лишь назначать для них различные провода. У нас же совершенно не различаются эти разного назначения телеграфные провода и потому последние перегружаются оперативной работой, а вся прочая остается в загоне, что в конце концов пагубно отражается на состоянии войск.

К началу операции телеграфная сеть должна быть обеспечена вперед всеми необходимыми средствами. Это является необходимым условием наступления.

Наша бедность средствами полевой телеграфной связи и бедность театров нашей войны постоянной телеграфно-телефонной сетью требуют от нас при наступлении не только уметь восстанавливать имеющуюся уже тяжелую телеграфную сеть, но и строить новую. Иначе маневр и операция могут сорваться, особенно при быстром наступлении.

В плане операции должно быть рассчитано необходимое число проводов, скорость их восстановления или постройки, а в зависимости от этого и необходимое количество телеграфно-строительных и эксплоатационных средств.

Необходимо заранее предусмотреть те линии, которые придется восстанавливать, и те линии, которые, по смыслу операции, придется построить заново.

Отступательная операция. Мы знаем, что оборона какой либо линии, при редкости нашего боевого порядка, не осуществима, и правильно рассчитанная оборона будет комбинацией наступательных и отступательных операций[1].

Рассмотрев инженерную подготовку наступательной операции, мы теперь исследуем инженерную подготовку операции отступательной.

Отступательная операция имеет целью оторвать от более сильного, лучше нас сгруппированного противника, или от победителя, наши главные силы с тем, чтобы, совершив быстрый, искусный марш-маневр, придать своим войскам наивыгоднейшую группировку, пополнить и привести в порядок расстроенные части и, выиграв путем отхода необходимое на все это время, перейти в решительное наступление на противника, растянувшегося на разрушенных путях сообщениях.

Из сказанного ясно, что основным требованием отступательной операции является свобода маневрирования для отступающего и затруднение маневра для наступающего.

Свобода маневрирования лучше всего обеспечивается хорошими шоссейными, грунтовыми и мощными железными дорогами, а также частой и обширной телеграфно-телефонной сетью.

Дальше, марш-маневр не должен беспокоиться преследователем. Учитывая слабую обороноспособность наших разреженных боевых порядков, мы ясно увидим, что арьергарды как таковые, своей задачи тем более выполнить не смогут. Весь расчет отрывания своих главных сил от противника должен быть построен на полном уничтожении мостов, дорог и телеграфно-телефонной сети вслед за отступающими войсками.

Если инженерное дело обеспечивает успех отступательной операции, с одной стороны, путем заблаговременной постройки необходимых военных дорог (грунтовых, шоссейных и даже железных), оборудованных достаточной телеграфной сетью, то, с другой стороны, самое выполнение марша-

[1] См. выше, статью „Стратегия национальная и классовая“, стр. 5.

маневра инженерное дело должно обеспечить от преследования противника абсолютным разрушением, тотчас же вслед с отступающими войсками, всех шоссейных, грунтовых и железных дорог и всей телеграфно-телефонной сети, а также затруднить исправление таковых постройкой тет-де-понов, отдельных замкнутых укреплений, закладкой фугасов и проч.

Из вышеизложенного ясно, какое громадное значение для отступательной операции имеет инженерное дело и как высоко должно стоять последнее и как велики должны быть его средства.

Учитывая слабость и немногочисленность наших инженерных средств, мы вряд ли сумели бы полностью выполнять все требуемое отступательным маневром в отношении подготовки тыла.

Поэтому инженерную работу в тылу мы можем ограничить следующим образом: при подготовке тыла армий прежде всего приниматься за создание известной *маневренной полосы*, зоны где-либо вдали от фронта за каким-нибудь трудно проходимым естественным препятствием с тем расчетом, чтобы нормальный темп отступления безусловно позволил бы закончить подготовку этой маневренной полосы.

Обычно же у нас хватаются за работу сразу в нескольких местах и по мере наступления войск бросают неоконченные сооружения и начинают новые работы поближе к фронту, чтобы закрепить за собой занятое пространство. В результате, при отступлении оказывается, что инженерная подготовка тыла была бесплодной, так как нигде не закончена.

Таким образом выбор места работ в зависимости от задания инженерных сил и средств, расстояния до фронта и нормального темпа отступления играет в деле инженерной подготовки маневренной полосы решающее значение.

Однако, ограничивая инженерную подготовку тыла лишь одной маневренной полосой, мы не можем так уменьшить задание инженерному делу в области разрушения всех маневренных удобств при отступлении.

В этой области требования к своевременности и успешности работы инженерного дела не должны быть понижены ни на одну ноту.

Что будет представлять собою тыловая маневренная полоса и какое будет отличие ее от тыловой укрепленной полосы?

Укрепленная полоса рассчитывается на задержание наступления противника сплошной полосой поражения от ружейно-пулеметного и артиллерийского огня, а также искусственными препятствиями.

Не имея возможности требовать от наших малочисленных армий создания огневой полосы на протяжении сотен верст, инженерное дело обеспечивает нашим войскам, путем создания тыловой маневренной полосы, возможность устроиться и использовать превосходство своего маневрирования над противником, поставленным в тягчайшие условия маневра полным разрушением всех пригодных путей сообщения и связи. Использовав это превосходство, наши войска могут не только отбросить, но и разбить противника.

Итак, маневренная полоса там, где вновь происходит столкновение главных сил обеих сторон, как бы делится на две стороны: сторону отступающего, имеющую все преимущества, обеспечивающую успешность маневра и сторону наступающего с совершенно разрушенными путями сообщений и связи, ставящую успешность маневра в безнадежное положение.

Полоса разрушения.

Рассмотрим по порядку все виды производимых при отступлении разрушений. Само собой разумеется, разрушить надо только то, что содействует маневру противника, и совершенно излишне разрушать вообще все, что оставляется.

Разрушению подлежат:

1) На железных дорогах:

а) мосты и трубы;

б) гати, тоннели;

в) водоснабжение;

г) телеграфная сеть;

д) полотно;

е) семафоры;

ж) надлежит эвакуировать: телеграфные конторы, стрелки, на некоторых участках даже рельсы. Что не может быть эвакуировано из вышепоименованного, должно быть

разрушено. Зимой будет полезно разрушить и все станционные здания.

2) На грунтовых дорогах:

а) все мосты—уничтожить;

б) перекапывать полотно или заваливать его спиленными деревьями;

в) разрушать гати;

г) разрушать телеграфно-телефонные провода;

д) снимать указатели дорог.

3) В телеграфно-телефонных линиях подлежат:

а) столбы—спиливанию;

б) провод—снятию и эвакуации;

в) изоляторы—эвакуации или поломке;

г) телеграфные конторы—эвакуации.

4) В укреплениях, пригодных для использования их неприятелем, подлежат:

а) проволочные заграждения—уничтожению;

б) окопы—засыпанию;

в) бетонированные постройки—взрыванию

Вопрос разрушения должен быть тщательно разработан. Разрушаемая дорога, или телеграфная линия, или укрепление противника, каждое в отдельности должно быть поручено особому лицу, особому отряду, с точным расчетом его наличных средств и задаваемой ему работы.

Эти разрушители должны быть особо надежными, смелыми, энергичными и дисциплинированными людьми, так как служба эта опасная (учитывая обычную беспорядочность в отходе войск), а вместе с тем заданная работа должна быть выполнена во что бы то ни стало.

Скорость разрушения должна быть равна скорости отступления.

Но и в полосе разрушения приходится не только разрушать связь. Отступая, необходимо обеспечивать себя связью с оставляемыми на местах агентами разведки. Для этого надо прокладывать подземный или подводный кабель, а в малообитаемых местах (большие леса и проч.) выставлять радиостанции.

Тыловая маневренная полоса.

Рассмотрим маневренную полосу со стороны ее глубины и ширины удаления ее от боевой линии, а также со стороны расчетов на необходимость остановки неприятеля. Полосу можно избрать или непосредственно за исходным положением первоначального наступления, или же за какой-нибудь находящейся в тылу естественной преградой, притом в таком удалении от фронта, чтобы наличными инженерными средствами ее можно было бы подготовить в период времени, потребный войскам потратить на отступление по этому пространству.

На удаление маневренной полосы от фронта повлияют еще и те соображения, что как ни благоприятны условия маневрирования, предоставляемые полосой, все же без некоторой остановки противника, отступающего далеко, не так легко будет перейти в наступление. Поэтому удаление в тыл полосы надо избирать еще и с тем расчетом, чтобы противник, по оставленному и разрушенному нами пространству и дойдя до естественной преграды, за которой избрана маневренная полоса, хотя бы несколько замялся в своем наступлении.

К этому моменту и должен быть приурочен контрудар и, в случае успеха, дезорганизация тыла противника сделает свое дело.

Какова должна быть глубина самой маневренной полосы по отношению к ее ширине?

Само собой разумеется, отступающие войска, еще не доходя до маневренной полосы, примут ту или другую основную группировку в виде отводимых на направление резервов.

Но все же обстановка может потребовать некоторых регруппировок и на самой уже полосе.

Это обстоятельство, во избежание фланговых движений, заставляет иметь маневренную полосу довольно развитой глубины, чтобы и значительные перегруппировки можно было делать не фланговыми маршами, а хотя бы [illegible]ческими.

Наши войска, бедные транспортными средствами, даже и при наличии хороших дорог для движения, все-таки

местностях бедных продовольствием не могут совершать значительных перегруппировок, если нет заранее подготовленных складов, или если местность бедна железными дорогами. Поэтому маневренную полосу следует усиливать постройкой новых железных дорог как ширококолейных, так и декавилек.

Дороги. Ширококолейные, т. - е. нормальной колеи, железные дороги довольно медленно строятся, но все же не следует от постройки их отказываться, так как даже один—два лишние перехода могут иногда сыграть для наших войск решающее значение.

Но в общем в маневренной полосе работа над железными дорогами будет, главным образом, над их работоспособностью. Необходимо добиться, хотя бы в этой неглубокой полосе, возможности быстрых массовых перебросок войсковых частей по жел. дор.

На этот вопрос надобно обращать при организации маневренной полосы исключительное внимание.

„Строить придется преимущественно „декавильки". При наших войсковых транспортных средствах надобно так изрезать маневренную полосу „декавильками", чтобы от любого места было бы не более двух—трех переходов до какой-либо станции на „декавильке".

В отношении грунтовых дорог следует произвести чуть ли не еще большую работу. Необходимо развить обильную сеть как тыловых, так и продольных дорог, пригодных для автомобильного движения при всяком состоянии погоды.

В зависимости от характера самой полосы необходимо подготовить дороги, отвечающие производству маршей, во всех наиболее вероятных направлениях.

Телеграфная сеть Телеграфная сеть должна быть развита настолько широко, чтобы не только войсками можно было управлять на марше-маневре, но чтобы при его производстве не терялось и руководство хозяйственное и административное, а также должна быть в полном объеме обеспечена связью этапная служба.

Относительно организации телеграфной связи для целей агентуры уже говорилось выше.

Укрепление. Сплошные укрепленные линии и полосы не пригодны в условиях нашей войны. Даже столь мощная

укрепленная полоса, как германская, не позволила в нашем июльском наступлении задержаться на ней польским войскам.

Почти без патронов и снарядов, пользуясь редкостью занятия позиции поляками, наши войска стремительным обтеканием занятых мест позиции заставили противника быстро очистить всю укрепленную полосу.

Однако, в иных случаях укрепления необходимы. Это будет при защите дефиле, мостов, гатей и проч. Кроме того большие узлы железных дорог должны быть защищены особого рода укреплениями от внезапных налетов конницы и бронированных автомобилей.

Все эти укрепления должны иметь следующий характер: линия огня должна быть, по возможности, коротка (учитывая малочисленность наших войск) и во всяком случае не должна быть шире, чем может растянуться предназначенный для нее гарнизон.

Учитывая непривычку наших войск обороняться, необходимо строить укрепления особо крепкие, с укрытиями от тяжелой артиллерии и с мощными пластами заграждений колючей проволоки.

Невозможность оборонять сплошные линии неминуемо выдвигает вопрос о необходимости постройки небольших замкнутых укреплений с небольшими, но стойкими гарнизонами. Этот вопрос до сих пор еще не получил должного разъяснения в смысле применения его в условиях нашей войны, а потому на нем и придется остановиться.

Совершенно очевидно, что если было бы возможно осуществить кольцевую оборону какого-либо железнодорожного узла, или какой-либо переправы через реку, важной как для нас, так и для противника, то постройка такого рода маленьких крепостей имела бы колоссальное значение для задержания противника на намеченной линии.

Главное условие, которое должно быть предъявлено к таким крепостям, это то, чтобы их можно было оборонять с самым незначительным гарнизоном.

Необходимость делать эти крепости небольшого размера вытекает из того соображения, что мы не в состоянии высоко обучить и дисциплинировать очень большой гарнизон, а также из того соображения, что такой гарнизон не сможет

в условиях нашей войны прятаться в крепостях и неминуемо будет выброшен на фронт. Необходимо в крепости иметь хотя бы и совсем незначительный, но зато постоянный и высокообученный гарнизон.

Сила сопротивления крепости должна быть основана, главным образом, на непробиваемости капониров снарядами полевой тяжелой артиллерии, на проволочных заграждениях, абсолютно не дающих возможности проникнуть за внешнюю линию огня крепости, и на укрытых пулеметах и артиллерии, не дающих противнику возможности проникнуть сквозь проволочные заграждения.

Пехота будет играть только роль резерва.

Таким образом срок сопротивления окруженной такой крепости будет зависеть, во-первых, от запасов артиллерийского снабжения и продовольствия и, во-вторых, от времени, в какое сможет разрушить проволочные заграждения и часть капониров сосредоточенная противником артиллерия.

Чем артиллерия будет больше, тем срок сопротивления крепости будет меньше.

Внешний пояс пулеметных фортов - капониров должен быть так рассчитан, чтобы пулеметный огонь надежно и во всех направлениях простреливал бы проволочные заграждения. Самый пояс не должен быть велик,—желательно не более 12 верст.

Второй пояс фортов-капониров должен быть в 6 верст., т.-е. радиус внешнего пояса—2 версты, а внутреннего—1 верста.

Во внутреннем поясе будут расположены артиллерия и пехотный резерв. Между пулеметными капонирами надобно обильно располагать бомбометы и минометы.

Если гарнизон постоянно будет обучаться в самой крепости, если каждый стрелок, каждый пулеметчик будет приучен видеть справа и слева от себя одни и те же сооружения, одни и те же команды и роты, если он будет приучен к тому, что его тыл кончается в центре крепости, и что за центром опять начинается фронт, то для такого гарнизона окружение будет чем-то нормальным и никакого чувства потерянности возникнуть не может.

Комендант крепости, как и всегда, должен быть более чем на высоте своего поста. От его воли и духа будет за-

висеть настроение и состояние воли солдат, приучени
делу обороны крепости.

Учитывая скорость наступления и отступления в на
войне учитывая, что обычно и у нас, и у противника т
(особенно железнодорожные) отстают, а потому специал
артиллерия во-время подана быть не может, мы должны сде
заключение, что на осаду нашей маленькой крепости п
тивник должен будет затратить свою полевую (дивизи
ную) артиллерию и свои полевые дивизии.

Из этого становится совершенно ясным, как велико
жет быть значение таких крепостей.

Посмотрим теперь, в какой мере обязан будет про
ник считаться с этими крепостями, и не сможет ли он, у
тывая, что эти крепости не имеют больших активных
низонов, оставить против них столь же небольшие засл
а главными силами спокойно пройти мимо.

Вообще говоря, конечно, такой проход можно осу
ствить, но не надо забывать, что обычно эти крепости бу
запирать наиболее удобные пути проникновения на тыл
маневровую полосу, дающую отступающим войскам ши
кую возможность маневрирования и контр-ударов. В с
этого противник, проникший на маневровую полосу, бу
лишен наивыгоднейших путей отступления, и малейший
неуспех может для него повлечь за собой катастрофу.

Вот эти-то соображения и заставят противника снят
своего пути эти небольшие крепости.

Инженерное дело.

Мы рассмотрели выше то значение инженерного де
которое оно может иметь в условиях ведения нашей войны,
рассмотрели те требования, которые предъявляются к ин
нерному делу оперативными соображениями.

Теперь рассмотрим те требования, которые предъяв
этих условиях инженерное дело как к своим инженер
войскам, так и к прочим родам войск.

Как мы видим из вышеизложенного, для того, чтобы
расчеты инженерной работы не пропали даром, необход
иметь стойкую, хорошо обученную пехоту и артиллери
вполне подготовленных тактически их начальников.

В крепостях должны находиться постоянные гарнизоны и постоянное артиллерийское вооружение.

При необходимости обороны какой-либо линии, инженерное дело, если нехватит достаточного количества войск, потребует специальных пулеметных частей.

Кроме всего этого, инженерное дело потребует от всех прочих родов войск, и особенно от их старших войсковых начальников, должного себе места и уважения. Инженерные войска должны быть почетным родом войск. Все войсковые начальники должны понять, что осуществление крупных и быстрых маневров при невысоком состоянии инженерных войск невозможно.

Мы видели выше, что должно существовать известное соотношение между поставленными инженерному делу заданиями и наличными инженерными силами и средствами, а это в свою очередь определяет допустимый масштаб развертывания операций.

Поэтому высшие войсковые начальники, желающие обеспечить за собою полную свободу маневрирования, должны свое главнейшее внимание обращать на состояние военно-инженерного дела и затрачивать на него свои лучшие силы и средства.

В свою очередь такая постановка военно-инженерного дела предъявляет к военным инженерам, саперам и прочим еще более высокие требования.

Военные инженеры должны перестать быть простыми исполнителями. Они должны имет широчайший военный кругозор.

Военный инженер должен уметь занять при случае и посты старших войсковых начальников. Он должен принимать живейшее участие в разработке операций, и в своей деятельности не должен ожидать указаний и понуканий. Он должен являться инициатором всех инженерных мероприятий, он должен изыскивать не только способы обеспечения уже задуманного маневра, но и те инженерные способы, которыми совершенно неожиданно можно было бы развернуть далеко за предполагаемые пределы размеры и пути марша-маневра.

Тот, кто сумеет в полной мере использовать всю технику военно-инженерного дела и проявить гибкость ума и военную изобретательность, тот всегда сумеет поставить противника перед неожиданными событиями и неожиданными размерами нанесенного ему поражения.

Инвалидное дело [1]).

Закрытие тов. Троцким журнала „Военное Дело“ вызвало на страницах „Известий Наркомвоен“ целый ряд статей

Журнал „Военное Дело“ сам по себе был настолько плох, что стыдно собственно говоря и писать о нем, но так как за этим журналом скрывается и та нездоровая почва, на которой он вырос, то приходится все-таки несколько остановить на нем свое внимание.

Автор статьи „Стыдно“ в № 154 „Известий Наркомвоен“ с болью переживая кончину „Военного Дела“, совершенно убежден в том, что этот журнал сделал большое дело. Автор указывает на те страстные дебаты, на те острые вопросы, которые были затронуты в журнале.

Редакция газеты, как это можно заключить из ее примечания, также склоняется на сторону автора „Стыдно“.

И правда, время от времени в „Военном Деле“ вспыхивали „страстные“ споры. Но только что это были за споры. Ведь и схоласты в средние века вели самые страстные диспуты на тему о том, сколько может уместиться ангелов на острее иголки, а еще более острые диспуты вели Никон с Аввакумом о том, сколькими пальцами надо креститься.

Эти споры не малому числу людей стоили жизни, но зато в науке они не оставили никакого следа, кроме разве добродушной улыбки у потомков.

„Военное Дело“ сыграло такую же, если не более жалкую роль.

Советская Россия окружена со всех сторон непримиримыми врагами—буржуазными государствами.

[1]) Напечатано в 1-м сборнике „Революция и война“, изд. западного фронта.

Начинается ожесточенная гражданская война, которая быстро принимает размеры большой маневренной войны. Армии возникают и выковываются на самых фронтах. Продвигаясь, они комплектуются и снабжаются за счет армий противника, за счет его территории, привлекая родственные классы.

Сражения происходят на фронтах громадного протяжения, хотя армии численностью своей вовсе не так велики. Первоначальные бои зачастую носят затяжной характер, зато после известного напряжения сил одна из армий разлагается и начинается стремительный откат.

Самосоздание и самокомплектование армий в боевых операциях вызывает в полевых штабах совершенно новый круг деятельности. Штабная работа приобретает новый характер.

Для военного специалиста, казалось бы, нельзя и вообразить более увлекательной эпохи. Стратегические формы последней империалистической войны резко изменяются, и многие военные специалисты, работающие на фронте, не могут найти объяснения боевой действительности гражданской войны.

Казалось бы, что „Военное Дело" должно взбухнуть до колоссальных размеров, исследуя эти новые формы, сопоставляя их со старыми, изыскивая руководящие правила, создавая доктрину гражданской войны.

Но увы! — „Военное Дело" о гражданской войне даже не писало (не считая нескольких отрывочных статей, почти всегда принадлежавших не военспецам, или случайным сотрудникам). „Военное Дело" было занято бесконечным перепечатыванием немецкого полевого устава, „Военное Дело" читало лекции о вреде и пользе крепостей, „Военное Дело" писало об Александре Македонском, Наполеоне, Мольтке, писало о Гинденбурге и о русских генералах, но оно не заметило, что, пока оно все это писало, разразилась и разрослась до громадных размеров гражданская война в России, принявшая скоро характер борьбы русского пролетариата с империалистской Антантой.

Наши старые военспецы, сотрудники журнала „Военное Дело", оказались инвалидами.

Олег Леонидов в статье „Странный оазис“, видимо, совершенно огороченный содержанием этого архаического журнала, заподозрил его чуть ли не в белогвардейщине. Но куда там до белогвардейщины! Белогвардейщина предполагает людей энергичных, предприимчивых, мужественных, но эти белогвардейцы не у нас. Они были у Деникина, Колчака, а теперь у Врангеля. Нет, сотрудники „Военного Дела“—это инвалиды старой войны, отставшие от жизни и не знающие современного военного дела в условиях революционной вооруженной борьбы, охватывающей ныне всю Европу. Они уже не военные специалисты, они *бывшие* военные специалисты.

Мне думается, что если собрать десятка два самых дряхлых генералов и посадить их в богадельню, отрезав вовсе от внешней жизни, то они, скучая и живя старческими воспоминаниями, вероятно, от нечего делать стали бы издавать военный журнал, и этот журнал был бы сколком с Военного Дела.

Военные писатели всегда и всюду были офицерами современных им армий.

А так ли это с сотрудниками „Военного Дела“? Вот в том-то и заключается корень зла этого злополучного журнала, что сотрудники его в эпоху войн Красной армии не были красными офицерами. Они не знали и не знают быта Красной армии, они не знают ее традиций, они не живут ее интересами, не увлекаются ее победами. Они сидят в Москве, вздыхают и поминают в бозе почившую старую царскую армию, ее победы и поражения. Это касается подавляющего большинства сотрудников „Военного Дела“.

Очень жаль, что в центре долго не слушали голосов с фронта и слишком долго дали жить „Военному Делу“. Жалко также и то, что журнал покончил свое существование не за то, что был мертвым и вредным наростом на развивающейся военной науке, а как на зло погиб из-за политического промаха одного из сотрудников. Это как бы затушевывает научную несостоятельность „Военного Дела“ в наши дни.

Очень жаль также, что тов. Троцкий, закрыв этот журнал, не предпринял ничего по отношению к его сотрудни-

кам. А ведь среди них есть талантливые люди, и если их приблизить к Красной армии, то многие из них еще справятся с теорией гражданской войны.

Необходимо обновить мыслящий военно-научный центр. Надо собрать в Москву военных специалистов, прошедших школу гражданской войны, а старых военно-научных руководителей выслать на фронт обучаться делу красного офицера.

Письмо к товарищу Зиновьеву [1]).

Глубокоуважаемый
товарищ Зиновьев

Второй конгресс Коммунистического Интернационала побудил меня написать вам в этом письме несколько сл[ов] по военному вопросу.

Гражданская война, но не малая и не партизанская, большая, изнурительная гражданская война, которую м[ы] ведем два с половиною года, была неожиданной для нас [в] смысле ее размеров.

К мысли о регулярной пролетарской армии общая мас[са] членов нашей партии не была подготовлена.

Эта неподготовленность наша к войне чувствуется и д[о] сих пор. Главная причина этих промахов заключается [в] том, что теоретически формы и средства сопротивления бу[р]жуазии в период социалистической революции не исс[ле]дованы.

Стратегия и тактика войн гражданских и империал[и]стических или национальных в одну и ту же эпоху (в смы[сле] их форм и средств) не одинаковы. Требуется специальн[ое] исследование теории гражданской войны, в чем рабоч[ий] класс, а следовательно, и коммунистическая партия, как ст[о]рона нападающая, прежде всего заинтересованы и пото[м] должны быть ее исследователями.

В сущности создание науки о гражданской войне явит[ся] лишь развитием основных положений теории революци[и] Карла Маркса, и отсюда понятно, какое отношение к пр[…]

---

[1]) Это письмо было напечатано во время наступления на запа[дном] фронте по случаю 2-го конгресса Коммунистического Интернационала. *М.* […]

грамме нашей партии имеет стратегия гражданской войны. Маркс заканчивает диктатурой пролетариата. Стратегия гражданской войны есть продолжение этой теории и исследует военные формы и средства, которыми восставший пролетариат защищает и распространяет свою диктатуру вплоть до отмирания государства, классов и армии.

Главными положениями в стратегии классовой, т.-е. гражданской войны, на которых приходится строить все расчеты и которые резко отличаются от таковых же в стратегии империалистической, будут таковы:

1) Война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата, так как социалистическому острову мировая буржуазия не даст существовать спокойно.

2) Из положения первого вытекает, что государство, находящееся под властью рабочего класса, ставит себе политическую цель в войне не сообразно с своими вооруженными силами и средствами, а, наоборот, должно создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира.

3) Источником комплектования армии является пролетариат всего мира, независимо от национальности.

4) Социалистический остров никогда не будет иметь с буржуазным государством мирных границ. Это всегда будет фронт, хотя бы и в скрытом виде.

Из этих основных положений могут быть развиты все особенности стратегии гражданской войны.

Учитывая такие громадные задачи, мы должны более чем серьезно отнестись к вопросу о войне.

Коммунистический Интернационал должен подготовить с военной точки зрения пролетариат к предстоящей гражданской войне, к моменту мировой атаки всеми вооруженными силами пролетариата мирового вооруженного капитала.

Прежде всего необходимо заняться изучением теории гражданской войны, особенно в области подготовки пролетарской армии и ее первых операций, необходимо найти в программе Интернационала место для определения этих военных основ. Для этого необходимо широко ознакомить коммунистические партии Западной Европы с Красной армией и войной 1918—1920 г.г.

Учитывая неминуемость мировой гражданской войны в ближайшее время, необходимо теперь же создать генеральный штаб III-й Коммунистического Интернационала. Задача штаба—заранее учесть силы и средства сторон в будущей гражданской войне в странах, ныне еще скованных капиталом.

Чтобы избежать те трудности и шероховатости, от которых страдали мы при создании нашей Красной армии, необходимо заранее разработать план мобилизации рабочего класса, надо заранее подготовить рабочих красных офицеров, надо заранее подготовить и старших строевых начальников и штабных работников.

Мировая гражданская война не должна быть неожиданностью. Рабочий класс должен быть подготовлен к тому, чтобы с захватом оружия немедленно построиться в регулярную Красную армию.

Между прочим, учитывая трудности в подготовке офицеров из рабочих в буржуазных странах, необходимо у нас в советской России открыть ряд военных училищ и академию генерального штаба для подготовки командного состава из рабочих и коммунистов всех национальностей на их языке.

Мне кажется, что обстановка не позволяет затягивать этого дела. Мы стоим накануне мировой гражданской войны, руководить которой со стороны пролетариата будет Коммунистический Интернационал. Органы военного управления не легко подготовить, а потому надо теперь же усиленно взяться за их создание.

Смоленск,
18 июля 1920 г.

С коммунистическом приветом **М. Тухачевский.**

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.